

Материалы конференции

А.А. БОГДАНОВ КАК УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

Гловели Георгий Джемалович

доктор экономических наук, профессор НИУ ВШЭ;

*руководитель Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН
(г.Москва, Россия)*

Аннотация

Статья раскрывает многогранность научного наследия А.А. Богданова-Малиновского, создателя первой в истории науки универсальной системной концепции – тектологии. Анализируется вклад А.А. Богданова в разработку проблем политической экономии в широком смысле, теории экономических кризисов, методологии планирования, социологии, характерологии, в организацию первого в мире Института переливания крови. Особое внимание уделено влиянию на мировоззрение Богданова видных ученых Московского университета и отражению социалистического дискурса, достижений естествознания начала XX в. и глобальных проблем человечества в беллетристике Богданова. Отмечено пересечение интеллектуальной и практической деятельности Богданова с исследованиями братьев Кейнсов – макроэкономиста и хирурга-трансфузиолога.

Ключевые слова: политическая экономия в широком смысле, исторический монизм, тектология, гедонический подбор, утопизм, характерология, мировые кризисы, «военный коммунизм», планомерность, НЭП, коллективная борьба за жизнеспособность.

JEL коды: B14, B31, N23, N24, N44, O21, P16, P50.

Для цитирования: Гловели Г.Д. А.А. Богданов как ученый-энциклопедист // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2024. Том 16. Выпуск 4. С. 158-190. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-4-158-190.

Введение

Ценители «космического универсализма» Александра Александровича Богданова-Малиновского (1873–1928) называли его подлинным энциклопедистом, следившим за всеми открытиями в науке и простиравшим диапазон своих исследований от гипотезы шаровидной молнии и анализа крови до философских абстракций и конкретных формулировок теории экономических кризисов (Базаров, Кан, 1929, с. 7; Бухарин, 1928, с. X). Такая уникальная широта интересов неутомимого ученого-революционера была обусловлена поставленной им самим

перед собой (но с надеждой на товарищескую поддержку других) грандиозной задачей закладки основ «всеобщей организационной науки» – *тектологии*, первой общенаучной системной концепции. Изложение и обнародование первого варианта *тектологии* (1912–1913) стало на жизненном пути Богданова сердцевиной, отделенной примерно полутора десятками лет и от начала научной биографии политэконома из рабочего кружка (1897), и от героического жизненного финала основателя-директора первого в мире Института переливания крови (1928). Вокруг этих главных хронологических вех и развернуты нижеследующие этюды, затрагивающие и другие аспекты деятельности ученого, которого *fugor tectologicus* – пыл решения «непомянутых комбинаций» (Богданов, 2002, с. 96) – привел на стезю судьбы *gl'heroici fugori*, говоря словами другого подвижника и мученика науки, огнепального Джордано Бруно.

1. Политэконом

По свидетельству его соученика по Тульской гимназии Измаила Соболева, Александр Малиновский уже старшекласником пробовал свои силы в «ученых записках» о воздействии научных открытий и изобретений на прогресс человечества (Соболев, 2002, с. 72). Вероятно, на этих записках сказалось влияние «Исторических писем» П.Л. Миртова (Лаврова), основоположника русской позитивистской социологии и проповедника идеи особой миссии русской интеллигенции и ее долга перед народом. Естествознание в системе «классического» преподавания в России эпохи «контрреформ» 1880-х было запретной областью (Смидович, 1989, с. 674). Поэтому для Александра и его ближайших товарищей – Владимира Руднева (сына видного тульского врача, лечившего Л.Н. Толстого) и Петра Смидовича – увлечение «блестящими популяризациями» К.А. Тимирязева наравне с публицистикой и «немного примитивной философией» Чернышевского и Писарева влилось в «отрицание авторитетов» и «ненависть ко всему официальному», враждебность к существующему строю (Базаров, 1918; Богданов, 2003, с. 216; Смидович, 1989, с. 674).

По окончании гимназии все друзья поступили на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета – и все трое были исключены за участие в «Союзе Совете Землячеств». Богданов позднее говорил, что это была «организация, собственно, просто взаимопомощи студентов, но по тогдашним условиям нелегальная и потому – «революционная» (Богданов, 1990, с. 462). Однако на «межземляческих» студенческих собраниях в 1893–1894 гг. развернулись жаркие споры между «народниками» и «марксистами», а преследование участников Союза началось после того, как был освистан маститый историк В.О. Ключевский за панегирик почившему в бозе императору Александру III, считавшемуся врагом университета (Гловели, 1991, с. 6–7).

А. Малиновский был выслан в Тулу, где в то время механик Иван Савельев (1870–1900) организовал рабочие кружки на Оружейном и Патронном заводах. В лице ссыльного студента-биолога Савельев нашел подходящего «интеллигента» для занятий с рабочими; вскоре к преподаванию в разросшихся кружках подключились В. Руднев и также высланный в Тулу московский учитель Иван Скворцов. «Группа держалась необычайно долго»; обсуждение с рабочими экономической системы и их места в ней началось с попытки использовать популярные «Экономические беседы» легального народника Н.А. Карышева (1855–1905) и курс политической экономии катедер-социалиста И.И. Иванюкова (1844–1912), однако «их неудовлетворительность быстро почувствовалась» (Богданов, 1924, с. 239–240). Пришлось перейти к составлению собственного курса лекций на основе 1-го тома «Капитала» К. Маркса; отредактирован-

ный Скворцовым и Рудневым текст был издан в Москве в 1897 г. под псевдонимом «А. Богданов» (навеянным отчеством жены молодого автора, фельдшерицы Натальи Корсак) и прославил это имя.

Богданов-Малиновский и его соратники решили, однако, не ограничиваться социально-экономическими темами в стремлении дать ответы на запросы рабочих, затрагивавшие естествознание и философию. Это потребовало от самих лекторов углубления в области, в которых прежде «казалось достаточным иметь лишь беглые поверхностные сведения» (Богданов, 1924, с. 240). Так из кружка, превратившегося в своеобразный подпольный университет, вышла еще одна книга – «Основные элементы исторического взгляда на природу», написать которую автору помогли знания, полученные им еще в Московском университете, и при обучении экстерном на медицинском факультете Харьковского университета, законченном с дипломом врача-психиатра (1899).

Тогда же свою первую книгу выпустил и друг Богданова – В. Руднев, избравший в честь тургеневского героя-«нигилиста» псевдоним «Базаров» (Базаров, 1899), а И. Скворцов под псевдонимом «Степанов» стал публиковать в журнале «Жизнь» статьи по вопросам образования и рабочего движения. Марксистское самоопределение, кристаллизованное в рабочих кружках, закрепилось под воздействием книги Бельтова (Г. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) и статьи К. Тулина (В. Ульянова) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Через своих лидеров – не только лекторов, но и рабочих – богдановский кружок установил связи с «Московским рабочим союзом» и марксистскими кружками Харькова, что способствовало и популярности «Краткого курса экономической науки» как настольной книги молодых социал-демократов. Политссылный В. Ульянов в комплиментарной рецензии ставил в особенную заслугу автору историко-материалистическую методологию, воплощенную в четкой и цельной характеристике последовательных периодов экономического развития (Ленин, т. 4, с. 36).

Между тем подпольщик, а теперь еще и дипломированный врач Богданов и его друзья-соредакторы вскоре угодили в новую ссылку – в Калуге. Там их круг дополнил талантливый публицист и знаток многих искусств Анатолий Луначарский, выделявший Богданова как «глубоко чтимого в рядах молодой социал-демократии автора “Политэкономии”, начавшего опыт построения «всестороннего научного знания» на марксистском фундаменте (Луначарский, 1968, с. 248). В канун 1900 г. ссыльные революционеры устроили своеобразное подведение итогов XIX в.: Луначарский подготовил обзор векового развития искусства, Богданов – науки, Базаров и Степанов – рабочего движения и педагогики.

В. Базаров позднее отмечал, что на фоне российского промышленного подъема и роста численности рабочего класса в последнем десятилетии XIX в. настроения оппозиционной интеллигенции повернулись к «марксистскому знамени, как к самому решительному, яркому и притом впервые нашедшему себе опору в народных массах проявлению русского «западничества» (Базаров, 2000, с. 305). В публичных экономических дискуссиях на первый план выдвинулись критики народничества, призывавшие к капиталистической «европеизации» страны и возлагавшие на марксизм идеологические задачи, уже решенные на Западе либеральной политэкономией (Струве, 1911, с. 356). Но «хождение народа в интеллигенцию» – причем именно прошедшего новую жизненную школу «народа города, народа фабричного поселка» (Базаров, 2000, с. 299) – укоренило в России и идеологию боевой социал-демократии, подготовило образование революционной рабочей партии – РСДРП.

«Легальные марксисты» быстро повернули в политэкономии и политике к ревизионизму, а в философии – к неокантианскому идеализму, против чего незамедлительно выступил из-за границы глашатай «ортодоксального марксизма» Плеханов. «Легальный марксист», доктор политической экономии М.И. Туган-Барановский лишь упомянул в библиографии к своему очерку истории экономической науки в России для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона первую книгу Богданова в числе русских учебников политэкономии (Туган-Барановский, 1899, с. 854). Но именно эта книга оказала огромное влияние на целое поколение – и не только на тех, кто связал свою судьбу с РСДРП (Фаддеев, 2014, с. 27). А автор, вошедший в число признанных идеологов молодой российской социал-демократии, уже полемизировал с «ревизионистом» Туган-Барановским на страницах нового «толстого» журнала «Научное обозрение» (Богданов, 1900).

А. Луначарский вспоминал, что калужских социал-демократов увлекла задача «укрепить гносеологическую, этическую и эстетическую сторону стороны марксизма» без уклона в неокантианский ревизионизм, но и не сдавая в сторону той узкой французской материалистической ортодоксии, «на которой пытался базировать весь марксизм Плеханов» (Луначарский, 1968, с. 26). По окончании ссылки Базаров и Степанов на некоторое время смогли выехать в Германию, где первый учился в Берлинском университете, а второй знакомился с практикой рабочего движения и новейшей социалистической литературой. По возвращении Базаров и Степанов активно включились в деятельность Московского комитета РСДРП, за что в 1901 г. вновь подверглись ссылке, на этот раз более отдаленной – в Ачинский округ Енисейской губернии. Однако свободное владение немецким языком (а Базаров хорошо знал еще и французский) позволило им, будучи в ссылке, сделать переводы и в течение нескольких лет под завуалированными заглавиями публиковать книги по истории экономики, социалистических идей и профсоюзного движения (см.: Базаров, 2015, т. 2, с. 299–300). Богданов же и женившийся на его младшей сестре Луначарский в 1900–1903 гг. отбывали ссылку в Вологде, где возглавили местную группу содействия заграничной газете РСДРП «Искра» и продолжали работу над «более широкой и ярко цветной редакцией» марксистской философии (Луначарский, 1968, с. 29).

2. «Исторический монист»

До исключения из Московского университета Богданов успел прослушать курсы лекций виднейших биологов России – ботаника К.А. Тимирязева (1843–1920) и зоолога М.А. Мензбира (1855–1935), которые основали научные школы и были виднейшими пропагандистами дарвинизма (в интерпретации Тимирязева – «исторического метода в биологии»). Заглавие первой философской книги Богданова (Богданов, 1899) почти совпадает с названием просветительской работы Мензбира (Мензбир, 1896). Освещенный Тимирязевым применительно к агрономии «закон минимума», или «слабого звена», стал одним из краеугольных принципов будущей универсальной организационной теории Богданова (Богданов, 2023, с. 245).

Еще одного основателя научной школы, заслуженного профессора Московского университета, гистолога и эмбриолога А.И. Бабухина (1828–1891), славившегося сравнительными обобщениями из разных смежных наук, Богданов уже не застал. Но исследования Бабухина о сходстве глаз головоногих моллюсков и высших позвоночных стали отправным пунктом для изучения «организационно-культурного параллелизма» в живой природе (Богданов, 2023, с. 101). Наконец, влияние на молодого ученого оказали труды еще двух заслуженных профессоров Московского университета – выдающегося физика А.Г. Столетова (1829–1896) и основателя материалистической психологии И.М. Сеченова (1829–1905). Всех этих русских ученых

Богданов считал представителями научного материализма как «философии естествознания» (Богданов, 1923, с.168).

Но довершение «победы исторических воззрений в науке» (Богданов, 1899, с. 213) Богданов видел в «научном монизме», соединяющем «современную школу в социологии» («монистическое» понимание общественной жизни и развития) с дарвинизмом (принцип естественного отбора, или «подбора») и интегративными тенденциями в физике и химии (закон сохранения энергии и принцип «подвижного равновесия»). Из этих принципов выводилось отрицание «абсолютного в мире явлений» («неизменных сущностей») вещей, абсолютных границ и отдельностей). И – как следствие – отрицание абсолютных истин, чем Богданов навлек на себя полемические нападки сначала русских ревизионистов, переходивших «от марксизма к идеализму» (Бердяев 1902), а затем – «плехановской ортодоксии» с ее «воинствующим материализмом» и одновременно убежденностью, что диалектикой Гегеля указан путь исследований, на котором «наука нашего времени, – например, естествознание, – сделала самые блестящие свои теоретические приобретения» (Плеханов, 1956, с. 381).

В вологодской ссылке Богданов, при некоторой уединенности в связи с работой врачом в психиатрической лечебнице в пос. Кувшиново, стал организационным центром местных социал-демократов. Одним из них – будущего известного полярника В.А. Русанова (1877–1913) – Богданов как топограф сопровождал в его первой экспедиции (по Зырянскому краю) (Русанов, 1945, с. 372, 388). Богданов возглавил литературную группу, подключившуюся к содействию знаменитой партийной газете «Искра», и социал-демократов, дебатировавших со ссылкой «аристократией» во главе с «новым идеалистом» Н.А. Бердяевым и юристом Б.А. Кистяковским (двумя авторами сборника «Проблемы идеализма» и будущих «Вех»). Как вспоминал Богданов, «Бердяев был хороший оратор (лучше нас), но по научным знаниям стоял невысоко», а с приездом превосходившего его в красноречии Луначарского стал явно проигрывать социал-демократам в полемике, вызывая к себе лишь ироническое отношение (Богданов, 1995, с. 33).

На склоне лет, когда давно уже не было в живых ни Богданова, ни Луначарского, сам Бердяев в автобиографии оценил свои отношения с ними, как «курьезные», вспомнив, что Богданов систематически задавал ему «непонятные вопросы, как я себя чувствую по утрам, каков сон, какова моя реакция на то или иное и тому подобное. Выяснилось, что склонность к идеализму и метафизике он считает признаком начинающегося психического расстройства, и он хотел определить, как далеко это у меня зашло» (Бердяев, 1990, с. 118). Далее Бердяев добавил, что с ним-то «психического расстройства» не случилось, а вот Богданов-то «даже сидел в психиатрической лечебнице».

Не совсем так. Во-первых, Богданов не «сидел в психиатрической лечебнице», а лечился от экземы в московской клинике нервных болезней после потрясений, пережитых на фронте мировой войны. А, во-вторых, вопросы психиатра Богданова идеалисту Бердяеву были, видимо, связаны с тем, что лицо последнего во время полемики часто пугало окружающих нервным тиком: Бердяев, широко раскрывая рот, высовывал язык (Зайцев, 1989, с. 199). Наконец, и почти через полвека Бердяев, как и в Вологде, не хотел признавать своих полемических поражений в философских дебатах, о чем осталось интересное свидетельство:

«Идеалисты в лице Н. Бердяева бывали обыкновенно биты Богдановым и Луначарским, но нисколько этим не смущались: разбитые на земле на основании науки и логики, они уходили на небо, в область “трансцендентного” – и там, где неприложимы методы ни науки, ни логики, конечно, оставались непобедимыми» (Ермолаев, 1923, с.11).

Вологодская полемика вокруг «исторического монизма» перешла в ведущий русский философский журнал, где Бердяев поместил резко отрицательную рецензию на написанную в Вологде книгу Богданова по гносеологии, обвинив автора в «пренебрежении естественника к тысячелетней работе философской мысли» и в том, что «живые, яркие краски не привлекают его взоров» (Бердяев, 1902, с. 848). Богданов на это возразил, что «абстрактный мир отношений отказывается от красок, он отдает их всецело своему близнецу – эстетическому миру; он холоден и суров в своих отвлечениях... потому что знает свои права и не посягает на право искусства» (Богданов, 1902, с. 1055).

Слова Бердяева, что «построение миропонимания на почве чисто «научного» синтеза» – «вредная утопия» (Бердяев, 1902, с. 848), Богданов счел отзвуком минувшей – метафизической – стадии познания. Тогда как распространение «генетической или исторической точки зрения» на все области знания – необходимым продолжением марксизма (Богданов, 1902, с. 1056).

Уже в 1-м издании «Краткого курса экономической науки» Богданов выделил специальный параграф «Капитализм и развитие знаний» (Богданов, 1897, с. 159). В последующих изданиях Богданов расширил этот аспект историко-монистического воззрения на экономику, но, кроме того, он замыслил расширить трудовую теорию стоимости до всеохватывающей трудовой теории общества, усматривая гениальность Маркса именно в «разрыве границ» между самой, казалось бы, отвлеченной философской ученостью и областью материального производства. Подтверждение и продолжение марксистского переворота в общественных науках – перехода на точку зрения производящего класса (Богданов, 1914, с. 3–4) – Богданов находил в концепциях, раскрывавших происхождение языка, верований, художественной деятельности из коллективной трудовой практики («социально-генетическая точка зрения»). В ряду таких концепций (Бюхер, 1898; Гроссе, 1899 и др.), появившихся благодаря проникновению эволюционизма в археологию, этнографию, сравнительную филологию, религиоведение, искусствоведение, Богданов особенно выделял немецкую «лингвистическую археологию», дошедшую до гипотезы Л. Нуаре о происхождении речи из выкриков во время совместного труда (Noire, 1877).

Об этой концепции Богданов впервые узнал из книги великого филолога и мифоведа М. Мюллера «Наука о мысли» (Мюллер, 1891, с. 207). Языки и мифы были древнейшими формами общественного сознания («надстройками»); новейшей же – теоретическое естествознание, и потому столь сильное впечатление на Богданова произвели некоторые труды Э. Маха, в которых критика понятийного аппарата классической механики и термодинамики сопровождалась исследованием происхождения естественнонаучных понятий из обыденного техниче-ски-трудового опыта (Богданов, 1909, с. 75).

Среди понятий, подвергнутых пересмотру физиком и историком науки Э. Махом, было и понятие «материи». К концу XIX в. оно стало «отрицательным определением», противопоставляемым по смыслу «духу, силе, форме, явлению и пустоте». И перестало удовлетворять науку, стремящуюся «достичь понятий, которые хотя и заключают известные допущения, но могут подвергаться опытной проверке» (Менделеев, 1892, с. 151). Открытия на рубеже веков разрывали границы между физикой и химией, из которых «первая занимается преимущественно явлениями или силами, а вторая веществами или их частицами» (Менделеев, 1892, с. 161). Крупнейший физико-химик В. Оствальд провозгласил новую натурфилософию – «энергетику», представляющую мир явлений как результат взаимодействия различных энергий, в

том числе энергий внутри атомов, понимаемых ранее как мельчайшие неделимые и инертные частицы вещества (Оствальд, 1903). Для Богданова энергетическое мировоззрение было не только подтверждением монистических тенденций естествознания, но и соответствием постановке вопроса К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе»: «В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» (Маркс, Энгельс, т. 3, с. 1). С уточнением, что подразумевается практика коллективного субъекта (человечества), создающего в преобразовании мира новые формы труда и познания, методы которых можно свести к энергетическому единству.

Но декларированный Богдановым еще в полемике с «аристократом духа» Бердяевым разрыв с «материалистической метафизикой» вызвал отторжение у «ортодоксов» российской социал-демократии, считавших незыблемой философской основой марксизма «диалектический материализм». Хотя после отбытия ссылки Богданов занял исключительное место «вице-лидера» фракции большевиков в РСДРП благодаря не только всестороннему образованию и организаторским способностям, но и литературному мастерству, надменный Бердяев не без повода ставил под сомнение наличие «публицистической жилки» у своего вологодского оппонента, называвшего себя не только «историческим монистом», но и «реалистом-коллективистом». Вопрошая в своей, пожалуй, лучшей публицистической книге «Новый мир» – «к чему коллективисту пустая “сущность” вещей, когда для него раскрываются шаг за шагом полные смысла и содержания законы их движения?» (Богданов, 1990, с. 88) – Богданов оказался не готов к нарочито ядовитой полемике против него, которую развязали сначала школа Плеханова, а затем лидер фракции (позже – партии) большевиков В. Ульянов-Ленин. На фоне тактических разногласий без обиняков записавший самого образованного из своих соратников в приверженцы «прямых философских реакционеров и проповедников фидеизма» (Ленин, т. 18, с. 230).

Показателен контраст между агрессивными памфлетами Плеханова и Ленина и богдановскими ответами, главный из которых был издан им лишь как приложение (!) к работе «Падение великого фетишизма» (Богданов, 1910), философские распри внутри РСДРП почти не затрагивающей. А ведь этот ответ содержал не только «беспримерный факт» разоблачения Плеханова, который ради *верности* букве Маркса фальсифицировал русский перевод второго из «Тезисов о Фейербахе» (Богданов, 1910, с. 210–211), но и предупреждение, что «абсолютный марксизм» Ленина грозит превратиться в «вампира», мертвыми руками хватающего живую мысль (Богданов, 1910, с. 222–223).

3. Характеролог

Заушательская критика философии Богданова как идеалистического «махизма» (Ленин), с одной стороны, как «кружковой отсебятины» (Бердяев), с другой, заслонила богатое содержание главной его философской работы «Эмпириомонизм», в которой были очерчены контуры «социально-трудового миропонимания» с методологическим подходом ко всем явлениям природы и общества как к процессам организации-деорганизации. В дальнейшем от собственно философской проблематики (1-й том «Эмпириомонизма») Богданов решил отказаться вообще, а социологическая (3-й том «Эмпириомонизма») нашла отражение в его работах по политэкономии, теории идеологий и пролетарской культуре. Совсем же незамеченные результаты применения «генетического метода познания психических явлений» (2-й том «Эмпириомонизма») в новых исследованиях ученого не заняли видного места, несмотря на серьезные замыслы наметить пути преобразования психологии. Богданов успел лишь составить

план и внести некоторые уточнения, заменив в анализе основных форм строения и развития человеческой психики формулировку «психический подбор» термином «гедонический подбор» (Богданов, 2023, с. 473–475).

Гедонический подбор – это прогрессивный подбор психических комплексов, подверженных положительному (чувство удовольствия) и отрицательному (страдание) подбору. Типы душевной организации формируются под воздействием: 1) богатства и разнообразия первичного материала ощущений, доставляемых внешними чувствами и органическими процессами; 2) преобладания положительного или отрицательного знака в окраске переживаний (в «Эмпириомонизме» Богданов использовал термин Р. Авенариуса «аффекционал»); 3) интенсивности этих переживаний в отдельные моменты (Богданов, 2003, с.152–153, 162). Если при богатстве и интенсивности материала подбора – глубине и полноте восприятия окружающего мира – достигается уравновешенность положительных и отрицательных впечатлений, то складывается высший культурно-психический тип «энциклопедического гения своего времени». Не приводя конкретных исторических примеров, Богданов обращается к своему любимому художественному образу – гётевскому Фаусту (Богданов, 2003, с. 166).

При меньшем диапазоне «уравновешенный» подбор дает тип отнюдь не «гениев», но людей, способных благодаря близости к массам по материалу опыта в критические моменты истории стать «героями», увлекающими «толпу», которая следует за теми, в ком находят ближайших и наиболее непосредственных выразителей своих потребностей и стремлений. Это – «совершенные джентльмены» в изображении романистов или знаменитые политики с «ясным и твердым отношением к жизни», вроде «великих» президентов США Вашингтона и Линкольна или британского премьер-министра У. Гладстона (Богданов, 2003, с. 173).

Снижение «уравновешенного» типа до «обывательского» уровня с малоинтенсивным и ограниченным в материале переживаний психическим подбором порождает массовидный тип, который Богданов называет «филистером» и в качестве наиболее яркого примера приводит торговца, который всю человеческую жизнь рассматривает со своей «специфически меновой точки зрения». Идеологическим выражением этого типа стала бентамовская «практическая философия, построенная, в сущности, на меновом идеале возможно выгодной сделки с реальностью жизни» (Богданов, 2003, с. 179).

Для обозначения культурно-психического типов с неуравновешенным подбором Богданов использует метафоры знаменитого поэта Г. Гейне – «эллин» и «иудей» (Богданов, 2003, с. 168). Если в богатстве переживаний одаренной натуры явно преобладают положительные, складывается артистический «эллинский» тип – «изящной и мягкой разносторонности», подвижной, порывистой психики, в которой творческая фантазия преобладает над критикой. Если отрицательные – много страданий, жестоких воздействий внешнего мира, ударов судьбы, кристаллизуется «иудейский» (отнюдь не только для еврейства характерный) тип суровой непреклонности в борьбе за свою истину. В этом случае ограничение и упрощение материала психических комбинаций приводят к росту однородности ассоциативных связей – недостаток широты и пластичности душевной организации вознаграждается ее стройностью и прочностью, «выдержанностью» характера. Но при меньшем диапазоне переживаний «эллинский» тип суживается до «сибаритства», мелкой жизнерадостности богемы и бонвиванов вроде «золотой молодежи»; суровый «моноидеист» – до ограниченного фанатика догмы, беспощадного к себе и другим, орудия в руках высших организаторов.

В истории культуры, согласно выводам Богданова, дополняют друг друга высшие типы «неуравновешенного» гедонического подбора – «эллины», представители переливающейся через край полноты жизни и «благодушного эклектизма», и суровые моноидеисты «иудеи», выражающие гармонию принципиальной цельности, «всепобеждающей верности себе». Воплощением типа «моноидеиста» Богданов считал фанатичного протопопа-старообрядца Аввакума (Богданов, 2003, с. 171–172).

Классификация типов душевного строения по критерию гедонического подбора по сути представляла собой оригинальную характерологию, сопоставимую с типологией, обоснованной современником А.А. Богданова – профессором Психоневрологического института А.Ф. Лазурским (1874–1917), который выделял не только высший, средний и низший уровни в типологии характеров, но и извращенные типы на каждом уровне (Лазурский, 1997). Но, несмотря на то, что ученые были почти сверстниками, очевидно, они не знали о работах друг друга.

Осмелимся предположить, что богдановская характерология не утратила актуальности. Ведь массовидный тип филистера – не что иное, как исследованный на материале североамериканской цивилизации «рыночный характер», или «человек-манипулятор», в котором оптимизм, культ действия и успеха, образование и заботы о платежной ведомости «уравновешены» страхом перед загробными муками и ограниченностью кругозора (см.: Гловели, 2003). А бентамовский утилитаризм, как известно, является философской основой модели «экономического человека» в западном мейнстриме – «гедониста-оптимизатора», рационально оценивающего все кругом для исчисления максимальной полезности для себя от покупаемых и потребляемых благ. Плодотворным может быть использование богдановского «генетического метода познания психических явлений для уточнения предложенной Ю.Я. Ольсевичем классификации типов капиталиста-предпринимателя на основе психогеномики (Ольсевич, 2009).

Отдельно отметим, что воплощением высшего неуравновешенного типа эллинского «благодушного эклектизма» можно считать многолетнего друга и родственника Богданова Луначарского – «позитивного эстетика», многогранного таланта с «печатью легкомыслия», разведившего марксизм в «эмульсии» с эмпириокритицизмом и нищезанятием, «богостроителя», лучшего после Жана Жореса оратора Европы, наркома просвещения и «драмодела» (Гловели, 1991, с. 24–25).

Сам же Богданов, уже смолоду сугубо серьезный (Пудов, 1930, с. 167) и при этом «глубоко вдумчивый, всегда ровный, привлекавший к себе своей исключительной скромностью» (Френкель, 2006, с. 105), с годами все более склонялся к описанному им же в характерологии типу сурового «моноидеиста», чья могучая натура развивается вопреки «злой судьбе», претерпевая лишения и страдания. И присущий уравновешенному типу реализм мировоззрения и активного творчества сменяется отчасти противоположной тенденцией – «тем своеобразным отпечатком, который характеризуется словом «утопизм» (Богданов, 2003, с. 170).

При этом «в полной мере» бывает выражена «монистическая» тенденция – вся энергия жизни концентрируется на могучей идее; активность воли отличается «строгим единством направления», которое укрепляется интенсивными волевыми импульсами в ответ на угнетающие воздействия среды. Наибольшую роль в психическом творчестве играют те немногие «реалистические» комплексы, которые окрашиваются не отрицательным, а положительным аффекционалом (намек самой жизни на счастье), и еще больше – те «производные от реальных комбинаций, которые сами... не имеют себе прямой опоры во внешней среде, но постоянно

сопровожаются положительным аффекционалом (идеальная картина счастья)» (Богданов, 2003, с. 170).

Когда Богданов писал эти строки, храня в памяти светлую картину товарищеского кружка молодых пролетарских революционеров (Богданов, 1906, с. 200), он явно не предполагал, как много ему с этим «положительным аффекционалом» предстоит сопротивляться «угнетающим воздействиям среды», проявляя утопизм наряду со «строгой последовательностью мышления и воли» и «неуклонной активностью в жизненной борьбе». Но поначалу как утопист он проявил себя в буквальном смысле слова – в старинном жанре на границе между литературой и социально-политической философией (Дживелегов, 1902, с. 76), к которому добавил свою марксистскую убежденность и увлеченность «грандиозной научно-технической революцией, которая разворачивается на наших глазах» (Богданов, 1908, с. 66).

4. Астроном и утопист

Еще среди вологодских ссыльных А.А. Богданов прослыл «астрономом»; в качестве отдыха от своих социально-экономических работ и от обязанностей врача-психиатра он любил наблюдать в небольшой телескоп звездное небо и пристрастил к этому и нескольких друзей (Ермолаев, 1923, с. 12; Френкель, 2006, с. 105). Рубеж XIX–XX вв. был эпохой взлета общественного интереса к науке о небесных светилах, особенно к «красной планете» Марс, наблюдения за которой в обсерваториях – от Флагстаффской в американском штате Аризона до Пулковской Петербургской Академии наук – породили версию о возможности существования высокоразвитой марсианской цивилизации, объединенной всепланетной системой искусственного орошения (Геглов, 2001, с. 81–84). Фантасты быстро откликнулись романами о «борьбе миров»; Богданов воспользовался формой «астрономического» романа для изображения контуров будущего общества в соответствии с идеями марксизма и отчасти других социалистических направлений.

В фабуле романа-утопии «Красная звезда» присутствует влияние не только астрономических, но и других естественнонаучных открытий рубежа столетий – прежде всего строения атома и радиоактивности; описание Богдановым межпланетного летательного аппарата с двигателем на «радирующей минус-материи» своей реалистичностью произвело сильное впечатление на некоторых современников-авиаторов (Рынин, 1928, с. 23–27) и осталось в историографии не только научной фантастики, но и космонавтики. Не раз отмечалась глубина и других технических предвидений автора «Красной звезды» – синтез белковых веществ, одежда из искусственных волокон, стереокино и т. д. (Бритиков, 1970; Ревич, 1979).

Богданов, руководивший во время революции 1905 г. военно-технической группой ЦК РСДРП вместе с Леонидом Красиным (которого он склонил на сторону большевиков-ленинцев), начал писать утопию после выхода из петербургской тюрьмы «Кресты», куда был заключен после ареста в полном составе Петербургского совета рабочих депутатов и где закончил «Эмпириомонизм». После освобождения Богданов поселился вместе с женой в доме большевика Гавриила Лейтейзена (1879–1919) в дачном поселке Куокалла в Выборгской губернии, и юный сын Лейтейзена Морис стал одним из первых читателей «Красной звезды». Много лет спустя полиглот и энтузиаст покорения атмосферного и заатмосферного пространства Морис Лейтейзен (1897–1939), имея за плечами опыт службы в ВЧК и Наркомате иностранных дел и учебы в Военно-воздушной академии, стал секретарем первого в истории Общества межпланетных сообщений (точнее, секции межпланетных сообщений при Военно-научном обществе

СССР). Почетным членом Общества был избран К.Э. Циолковский; перед тем, как написать ему, М.Г. Лейтейзен встретился в апреле 1924 г. со своим старым знакомым А.А. Богдановым, «автором «Красной звезды», для обсуждения проблемы энергетического обеспечения космических перелетов (Лейтейзен, 1924, л. 8–9).

К тому времени сам Богданов уже приступил к реализации идеи, впервые изложенной тоже в «Красной звезде», – «товарищеского обмена жизни не только в идейном, но и в физиологическом существовании» посредством «одновременного переливания крови от одного человека к другому и обратно» (Богданов, 1990, с. 158–159), но об этом далее.

При описании организации социалистического производства в своей «марсианской» утопии Богданов отвел ключевую роль информационно-технологическому обеспечению «перехода к неограниченной свободе труда», оставляющего широкие возможности для повседневной послетрудовой деятельности в музеях, библиотеках, лабораториях (Богданов, 1990, с. 142, 171). Но «марсианский социализм» с «ритмической правильностью процессов жизни» был показан Богдановым чересчур рационалистичным, от которого «веет холодком», как вынужден был отметить в своей восторженной рецензии Луначарский. Он указал, однако, на великолепную самокритику автора, который сам «чувствовал отсутствие страсти, красок в своей утопии» (Луначарский, 1908, с. 119–120). Ведь Богданов, будучи знатоком астрономии, подчеркнул, что «красная планета» получает лучистой энергии от Солнца в 8 раз меньше, чем Земля (Богданов, 1990, с. 187). Откуда логично заключать, что марсиане гораздо менее эмоциональны, как издавна и предполагали авторы умозрительных сочинений о «множественности обитаемых миров» (Геглов, 2001, с. 80). Поэтому эволюция «общества марсиан» была какой-то «ровной, не залитой, как у нас, сплошь огнем и кровью»; «их капитализм очень рано освободился от национально-государственного дробления и не создал ничего подобного нашим современным армиям»; классовая борьба была относительно мирной и без больших жертв завершилась социалистической эпохой с ее сознанием «стройного единства». Путь к социализму раздираемого острыми противоречиями земного человечества должен быть гораздо более бурным и порывистым, зато и обещает в будущем большее (Богданов, 1990, с. 132–134, 154).

Однако на двух уровнях повествования свет идеалов, отстаиваемых Богдановым в романе, омрачается тревожными сомнениями, вносящими в фабулу элементы дистопии (Graham, 1984, p. 242). Первый уровень очевиден: устранение войн и классовых противоречий не избавит от таких общепланетарных проблем, порождаемых индустриальным покорением природы, как исчерпание минеральных ресурсов, оскудение природной среды, перенаселение (Богданов, 1990, с. 153). Именно эти проблемы инспирировали интерес богдановских марсиан к Земле и приглашение российского социалиста на красную планету, где уже построен коммунизм. Второй уровень – скрытый пласт; озабоченность проблемами родной планеты приводит узкого специалиста «с почти зловещим выражением лица» к предложению уничтожить земное человечество, чтобы получить доступ к ресурсам голубой планеты. Хотя эту идею «странно-холодного» математика отвергают с «ропотом ужаса» сами марсиане (Богданов, 1990, с. 182–183, 189), потрясенный землянин в состоянии аффекта убивает «марсиата-империалиста», как назвал того в рецензии Луначарский. Убийцу признают больным и прощают, сохраняя веру в «близость двух миров», но именно в уста убитого зловещего персонажа Богданов вложил слова, которые во второй половине XX в. стали восприниматься как предупреждение-пророчество (Ванновский, 1952; Graham, 1984, p. 152; Дорофеев, 1988, с. 13).

«Но даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осажденного положения, необходимого террора и военной, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом» (Богданов, 1990, с. 184).

Пророчеством открывается и второй роман Богданова – «Инженер Мэнни», написанный в 1912 г.: «если бы открытия их < марсиан > науки о строении материи стали теперь известны на Земле, то у милитаризма враждебных друг другу наций оказались бы в руках истребительные орудия невиданной силы, и вся планета в несколько месяцев была бы опустошена» (Богданов, 1990, с. 204). Этот роман слабее «Красной звезды», весьма схематичен и даже в партийных кругах не вызвал особого интереса, но его сюжет выстраивается вокруг центральной идеи всего творчества Богданова – преодоления «дробления» специализированной науки и классового дробления человечества. А в эпилоге (Богданов, 1990, с. 282) выражен поворот автора как ученого от философии «социально-трудового миропонимания» к программе «всеобщей организационной науки», для которой Богданов предложил название «тектология» (от греческого «тектон» – «строитель»).

Но время между двумя выходами двух романов стало закатным для «политической карьеры» Богданова (Лепешинский, 1928, с. 4). После разрыва с Лениным бывший «вице-лидер» фракции большевиков не удержался и в созданной им же, но не развившейся во фракцию группе «Вперед» (Морозова, 2019). Не увенчались успехом заграничные «социал-демократические пропагандистские» школы для русских рабочих на о. Капри (1909) и в Болонье (1910), хотя они дали Богданову второй после тульских кружков ценный диалоговый опыт для построения «краткого курса» – на этот раз не экономической, а «идеологической» науки.

1-й том главного труда Богданова вышел за год до начала мировой войны (1913), 2-й – между двумя революциями в России (1917). Оставив «политику в заграничном духе» (Богданов, 1995, с. 19), Богданов вернулся на родину благодаря амнистии по поводу 300-летия царской династии, но с началом мировой войны был призван в армию и служил врачом в 221 пехотном полку русской армии. Доктору Малиновскому пригодились его познания в астрономии: он принял руководство брошенным во время неудачного хаотического отступления полка санитарным обозом, вывел обоз из-под обстрела и в отсутствие карт привел в безопасное место, определяя направление по небесным светилам (Фаддеев, 2014, с. 12–13).

Фронтовые впечатления, как уже упоминалось выше, потрясли Богданова, на некоторое время из доктора ставшего пациентом. После демобилизации и лечения от экземы он некоторое время служил в московском эвакуационном госпитале, где подружился с опытным клиницистом, статским советником С.Л. Малолетковым (1863–1942). Надолго остались приступы стенокардии, но не менее мучительным было ощущение идейного одиночества после исключения из фракции большевиков и затем разрыва с М. Горьким и группой «Вперед», а всегдашнее неприязненное отношение меньшевиков к одному из основателей большевизма распространилось на идею пролетарской культуры (Богданов, 1990, с. 411–415).

В переписке 1914 г. с Александрой Коллонтай (в 1910 г. участвовавшей как лектриса в школе для рабочих в Болонье) Богданов сетовал, что «так редко случается за эти годы слышать доброе слово от своих» (Богданов, 1995, с. 177). Бывшие «свои» – большевики-«ленинцы» – развернули в их новом журнале «Просвещение» (1914, № 2) целую антибогдановскую кампанию, начатую В. Милютиним клеветно-заушательской критикой широты охвата материала в экономических учебниках А. Богданова и сравнения коллективно-трудовой практики челове-

чества с «миростроительством» (якобы тождественным «богостроительству»). Следом Л. Каменев («Просвещение», 1914, № 3) в рецензии на книгу Богданова «Введение в политическую экономию» упрекнул автора в том, что в его системе взглядов «идея общности всех людей превалирует над идеей классово-и групповой (!) борьбы» и третировал противопоставление «организаторы – исполнители» (Каменев, 1923, с. 285).

К научно-публицистической деятельности Богданов вернулся в 1916 г. с циклом статей, развивавших на основе универсальных организационных законов «наименьших» («слабого звена») и цепной связи концепцию мировых экономических кризисов. Параллельно шла работа над 2-м томом «Тектологии» (в дальнейшем изложении под тектологией будет пониматься всеобщая организационная концепция А. Богданова, а под «Тектологией» – излагающий ее трактат).

Катастрофа мировой войны, по убеждению Богданова, «поставила ясно «дилемму – преодоление анархии социальных сил и интересов или распад цивилизации». В зверском взаимном истреблении «многомиллионных стад людей, принадлежащих к самым культурным нациям и самым передовым классам», Богданов увидел жестокое проявление власти «закона наименьших» над человечеством: «равнение по низшему» в культурно-психических комплексах, «которое подчиняет цивилизацию пережиткам дикости, хотя бы они были количественно гораздо слабее накопленных ею активностей» (Богданов, 2023, с. 90, 264).

5. Тектолог

Еще до специального обоснования тектологии Богданов проводил организационный подход в 1 томе фундаментального «Курса политической экономии», написанного вместе с И. Степановым-Скворцовым (1910). Совместная работа прервалась из-за партийных распри, и продолжение последовало лишь в 1918–1919 гг. в виде дополнительных частей 1 тома и нового 2 тома. Книга Богданова «Наука об общественном сознании» (1914), вышедшая как часть задуманного (и не реализованного) просветительского проекта М. Горького по изданию для рабочих «Энциклопедии для изучения России», была уже прямым приложением.

В контексте развития марксизма «Курс политической экономии» и «Науку об общественном сознании» можно рассматривать как попытки построения в единой («организационной») познавательной системе координат общей теории «базиса» (способов производства) и общей теории «надстроек», которые Богданов называл «идеологическими формами». Он вполне резонно считал, что учение о социальной функции идеологий «как организационных орудий» заполняет пробел в марксизме, остановившемся на «генетической вторичности» идеологических форм (Богданов, 1995, с. 196). Этот пробел в свое время повлек отождествление в русских философско-социологических дебатах марксизма с «экономическим материализмом», устраняющим «психику» и интеллектуальный элемент в качестве самостоятельного исторического фактора (Кареев, 1904, с. 264, 266).

Один из оппонентов «экономического материализма» и первый историк русской социологии Н.И. Кареев так оценивал место в ней А.А. Богданова: «Богданов действительно отвергал самую основную посылку экономического материализма, относя к сфере производительного труда не только труд, создающий материальные ценности, но и труд умственный и даже политическую деятельность. В упрек ему было поставлено и то, что даже в технике он видел не вещи, а умение людей известным образом работать» (Кареев, 1996, с. 228). Это довольно курьезная характеристика наваяна, с одной стороны, оценкой Богдановым «организаторской»

роли господствующих классов (начиная со жрецов Египта, применявших астрономические познания для ирригации), но упускает из виду подчеркнутую Богдановым тенденцию к потребительски-паразитическому вырождению этих классов (вплоть до капиталистического рантье́рства). С другой стороны, Кареев не понял, а Богданов, надо признать, не лучшим образом изложил различие между средствами производства (орудия и материалы труда) и *навыками* (назвав их «техническими приспособлениями») – умениями человека воздействовать на предметы внешней природы для получения из них целесообразной комбинации (Богданов, 1906, с. 61).

С концепцией «социальной функции идеологических форм» прямо связано социологическое учение Богданова о «технической интеллигенции», рассмотренное автором этих строк в специальной статье (Гловели, 2023). Но социология Богданова в целом, с учетом его интерпретаций первобытной жизни, смеха (Богданов, 2023, с. 643–648), эпистемогенных факторов естествознания и др., еще ждет своей оценки. Здесь же ограничимся замечанием, что, хотя термин «техническая интеллигенция» Богданов ввел ранее в связи со своей оценкой эмпириокритицизма (Богданов, 1909, с. 62), выводы о превращении этой социальной группы в «класс для себя» были сделаны им лишь на материале мировой войны и послевоенных трансформаций.

Саму мировую войну Богданов рассматривал как модификацию экономического кризиса, вызванную структурными сдвигами в крупной промышленности, толкавшими капиталистических олигархов начала XX в. к поддержке и стимулированию военно-экспансионистской политики государств-империй. Свою концепцию кризисов, основанную на приложении универсальных организационных методов, Богданов изложил в цикле статей 1916 г. в журнале «Летопись», а позже – во 2 томе «Курса политической экономии».

Богданов начал с критики М. Туган-Барановского, который в своей теории рынка пришел к пониманию цепной связи отраслей, отметив, что производство элементов основного капитала создает дополнительный спрос не только на железо как на главный конструкционный материал для машинного оборудования, но и на другие товары – уголь, черепицу, пиломатериалы и т. д. (Туган-Барановский, 1997, с. 319).

Однако Туган-Барановский ошибочно истолковал это расширение спроса по отраслевой цепи как возможность неограниченного, хотя и сопровождающегося кризисами, промышленного развития в отрыве от конечного потребительского спроса (Туган-Барановский, 1997, с. 258–259, 264–265). Богданов же подчеркнул, что вследствие цепной связи отраслей даже незначительное расширение конечного потребления может привести к гораздо большему расширению рынка в целом, но узость народного потребления (покупательной способности масс) остается лимитирующим слабым звеном капиталистического воспроизводства.

Циклическую пульсацию капиталистического рынка можно представить как положительный и отрицательный подбор в системе с фазами подъема (расширения) и спада (кризиса). В капиталистическом цикле как организационном процессе сталкиваются противоположные тенденции к расширению и стеснению рынков, замедлению и ускорению «скрытого перепроизводства». В течение XIX в. структурные сдвиги в крупной промышленности (ускоренный рост черной металлургии, каменноугольной промышленности, машиностроения) удлиннили цепную связь отраслей и тем самым период «скрытого перепроизводства», отдалив «первичную волну» сокращения спроса от потребительского рынка (Богданов, 1916, № 3, с. 161–162).

Это удлинение сбило почти правильную цикличность (1825, 1836, 1847, 1857) первых кризисов, разразившихся во времена преобладания текстильной промышленности. Разрешение противоречия между капиталистическим производством и не поспевавшим за ним потреблением замедлилось, но зато проявилось и более разрушительно в сильнейшем кризисе 1873 г. (Богданов, 1916, № 3, с. 163). Затем почти до начала XX в. кризисы носили локальный характер – вплоть до нового общеевропейского потрясения в 1900-1903 гг.¹, слабо затронувшего, однако, США. Глобальный прогресс *транспорта* и колониализм, усложнение производственного аппарата были факторами замедления цикла. На этом основании многие экономисты, в том числе ревизионист Э.Бернштейн, стали утверждать, что возможно устранить опасность периодических кризисов.

Но в начале XX в., перевес оказался уже на стороне ускоряющих моментов: новый виток роста железных дорог и морского транспорта; унификация банковского, промышленного и торгового капитала в финансовый капитал (по определению Р. Гильфердинга) и т. д. И хотя новый кризис, разразившийся в США в 1907 г., сравнительно мало затронул Европу, назревал новый близкий мировой кризис, однако его упредила мировая военная катастрофа.

Ее спровоцировало в условиях стеснения рынков в Европе обострение противоречия между цепной связью отраслей и анархической разрозненностью капиталистического производства – обострение, связанное с вовлечением национальных государств в борьбу за доли мирового рынка. Капиталистическое государство, обладая широкими возможностями для наращивания технически специализированной военной силы в разных ее видах, способно доставлять *дополнительный потребительный рынок* посредством милитаристического спроса, а благодаря цепной связи отраслей – еще больший рынок вообще (Богданов, 1916, № 5, с. 140). Но соперничество организованных единиц, порождая их расширение и усовершенствование, доводит до момента, когда силы конкурентного давления (системное расхождение) перевешивают силы цепной связи, и наступает перепроизводство. Избыток особого товара – технически специализированной военной силы – втянул европейские нации в истребительный процесс, причем вслед за первоначальным резким падением промышленности и параличом кредита с разрывом интернациональных связей финансового капитала обнаружилась сила милитаристического рынка, с избытком заменившего для национальных капиталов спрос только что утраченных ими рынков. Разорванные связи международного рынка сомкнулись вновь на рынке национально-милитаристическом. В результате истребительная война затянулась на годы.

Принцип «слабого звена», как и другие организационные категории, – относителен. Националистическое «равнение по низшему» привело к сплочению классов европейских стран в «один реакционный истребительный блок» (Богданов, 1990, с. 326). Но «скрытое самоубийственное противоречие» милитаризма, порожденного перепроизводством технически специализированной военной силы, проявилось в демократизации социального состава армии. Позже Богданов отметил, что этот процесс особенно далеко зашел в России, где мобилизация

¹Этот кризис фактически начался не в 1900, а в 1899 г., причем в Российской империи. Он стоил жизни знаменитому харьковскому банкиру и горнопромышленнику А.К. Алчевскому, основателю Донецко-Юрьевского металлургического общества (1895). Потеря рынков сбыта и замораживание многомиллионных затрат на возведение и оборудование недостроенного Донецко-Юрьевского завода поставили банки Алчевского на грань банкротства, а неудачные переговоры в апреле 1901г. в Петербурге с министром финансов Витте толкнули предпринимателя к самоубийству.

населения в разношерстную солдатскую массу, преимущественно из крестьян, многие из которых вовсе не пылали «патриотизмом», тяготились окопной жизнью и мечтали о прекращении войны.

Привлекательность лозунга мира для солдатско-крестьянских масс благоприятствовала захвату власти большевиками во главе с Ульяновым-Лениным, убежденным в том, что правительство регулирование экономики во время войны создало государственно-монополистический капитализм как полнейшую подготовку и «преддверие» социализма. Богданов же охарактеризовал эту новую, вынужденную войной, форму регулирования как бюрократическое «внедрение в капитализм» элементов «военного потребительного коммунизма», создавшее «ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление» (Богданов, 1990, с. 344).

В книге «Вопросы социализма», написанной летом-осенью 1917 г., Богданов обосновывал «программу культуры» как необходимое звено между социал-демократическими программами «минимум» (буржуазно-демократическая революция) и «максимум» (построение социализма) и критиковал максималистскую тактику Ленина, который, став после захвата власти его партией во главе правительства «народных комиссаров», «провозглашает социалистическую революцию и пытается на деле провести военно-коммунистическую» (Богданов, 1990, с. 348).

Позже, во 2 томе «Курса политической экономии», Богданов признал, что рабоче-солдатско-крестьянская масса, тяготеющая к самой примитивной революционной идеологии «социализма дележа» и повернувшая штыки против имущих классов России, проявила себя как класс исторического момента. Но это был исторический момент не «социалистической революции», а революции иного рода, точного определения которой «тектолог» – автор книги «Вопросы социализма» – так и не дал.

Зато он – *первым* в научной литературе – точно определил глобальный вызов XX в., о чем был намек уже в «Инженере Мэнни»: утилизация *внутриатомной энергии*. «Перед научной техникой выступает новая задача, наиболее революционная из всех, какие когда-либо ей ставились. Можно с уверенностью сказать, что сколь-нибудь полного разрешения этой задачи не достигнуть нынешнему, анархически раздробленному человечеству. Но даже очень частичное разрешение само по себе повело бы к преобразованию всей социальной организации: оно должно дать в руки людям такие гигантские и грозные силы, которые необходимо требуют контроля общечеловеческого коллектива, иначе они могут оказаться губительны для всей жизни на земле» (Богданов, 1918, с. 7–8).

6. Член Президиума Соцакадемии, профессор МГУ и теоретик планомерности

Диагнозом «военного коммунизма» и порицанием авантюрного максимализма Ленина – Троцкого – Ларина, Богданов вызвал на себя новую волну критики со стороны бывших однопартийцев, ставших партией власти. Его соавтор И. Скворцов-Степанов, побывавший, хотя и недолго, наркомом финансов в первом Советском правительстве, отказался включать написанный Богдановым раздел «Военно-экономические формации» в новый том совместного «Курса политической экономии», а выдающийся молодой идеолог большевизма Н. Бухарин обвинил тектолога в «оппортунистическом культурничестве» (Бухарин, 1918, с. 19). Со своей

стороны Богданов отказался от предложения А. Луначарского занять «любой пост» в Наркомате просвещения; отказывался и от других посулов «руководящих постов» в случае возвращения в партию.

Но тем не менее беспартийный Богданов занял видное место (член Президиума) в учрежденной большевиками Социалистической академии и еще более видное – во Всероссийском Пролеткульте, возникшем из массового движения в столицах и в провинции, но поддерживаемом Наркомпросом. Наконец, автор лучших марксистских учебников политэкономии стал профессором политэкономии МГУ, где был создан факультет общественных наук. Один из тогдашних студентов, занимавших очередь на места в аудитории за 2 часа до начала лекций профессора Богданова, по истечении более чем полувека вспоминал, что на факультете преподавали видные большевики, «еще не привыкшие к своему новому положению вождей, и отказавшийся от этого положения Богданов» (Зубчанинов², 1995, с. 20).

Что касается Пролеткульта, то он для Богданова был прежде всего трибуной для пропаганды идей тектологии; «Очерки организационной науки» три года публиковались в московском журнале «Пролетарская культура» и были изданы отдельной книгой в Самаре.

Идее пролетарской культуры выпала печальная судьба стать самой извращаемой фальсификаторами многих поколений (в том числе и в XXI в.) идеей Богданова; с «подачи» Большой советской энциклопедии (2-е изд., т. 5, 1950) тиражировалась ложь о якобы «нигилизме» Богданова по отношению к культурному наследию. В опровержение приведем лишь два высказывания тектолога на первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительских организаций, оттеняющие энциклопедичность его познаний и интересов.

Настаивая на *сотрудничестве поколений* для пролетарском творчестве, Богданов не только вспомнил русские былины о Илье Муромце, но и раздал делегатам снимки палеолитических рисунков из знаменитой Альтамирской пещеры (Дэвлет, 2004), чья красота и могучая выразительность наполняет ощущением кровного родства с первобытными людьми, которые обладали лишь несколькими десятками зародышевых слов, но так хорошо умеют говорить через столетия (Богданов, 1990, с. 424–425).

Одному из делегатов, сказавшему, что «буржуазное искусство дало нам стиль и произведение, но не дало законов», Богданов возразил, что буржуазная история стилей выяснила законы искусства в зависимости от исторических условий жизни. «Мы можем дать этой истории новое, свое освещение, но собранные по этому вопросу материалы не теряют своей ценности и служат вкладом для дальнейшей разработки вопроса». Добавим, что схема, изложенная Богдановым, отчасти применима и к истории советского искусства, отрекшегося от «пролетарской культуры»: переход от «романтизма борьбы и исканий» (художественные течения 1920-х гг.) к «классицизму форм победоносной зрелости» («социалистический реализм»), затем натурализм («деревенская проза» и «окопная правда»), и, наконец, новый романтизм – декадентский, с всепроникающей силой упадка (Богданов, 1918а, с. 79).

На страницах журнала «Пролетарская культура» Богданов схлестнулся с поэтом и организатором Центрального института труда Алексеем Гастевым, вскоре прославившим «советским тейлористом». Сам Богданов одним из первых в России откликнулся на «хорошие и дурные стороны» системы Тейлора (Богданов, 1913а), но его рассуждения были довольно общими. Тогда как Гастев, бывший анархо-коммунист и слесарь на передовом машиностроительном

² Зубчанинов В.В. – специалист по экономике НТП, профессор.

российском заводе «Новый Айваз», пытался перенести на практическую почву в России апробированные принципы зародившегося в промышленности США «научного менеджмента». При этом Гастев эпатировал общественность заявлениями о «машинизированной системе трудового управления», где индивидуальность полностью растворится в «нормализованном» классе с «системами психологических включений, переключений, замыканий» (Гастев, 1919, с. 42, 44). Неистового «нормализатора» поддерживал Ульянов-Ленин, призывавший для повышения производительности труда в Советской России организовать изучение, преподавание, систематическое испытание и приспособление системы Тейлора и намеревавшийся в 1918 г. даже декретировать привлечение американских инженеров ради этого (Ленин, т. 36, с. 190, 212).

Первую Всероссийскую инициативную конференцию по научной организации труда под председательством академика В.М. Бехтерева в январе 1921 г. первоначально хотели назвать конференцией по тейлоризму, но тейлористские крайности А.К. Гастева были на ней отвергнуты. Напротив, доклад А.А. Богданова «Организационная наука и хозяйственная планомерность» (открывавший конференцию) получил восторженные оценки заведующего отделом статистики Наркомата труда С.Г. Струмилина, председателя Таганрогского института научной организации производства П.М. Есманского, организатора Центрального научно-технического клуба профсоюзов С.С. Раецкого. Отмечалось, что Богданову удалось показать, как абстрактная организационная наука может быть полезна для решения злободневных вопросов экономического планирования, и предлагалось главную книгу Богданова сделать настольной для каждого советского работника.

В своем докладе Богданов обосновал ключевое методологическое значение законов «наименьших» и цепной связи в планировании, особо подчеркнув трудность учета и включения в единый хозяйственный план насущных потребностей 20-миллионной массы мелких крестьянских хозяйств России, «иначе все расчеты могут быть разрушены». Настаивая на том, что подорванному крестьянскому хозяйству «необходимо давать нужные средства, чтобы оно могло поддерживать свою производительность» (Богданов, 1989, с. 278), Богданов предвосхищал переход к НЭПу и последующие разгоряченные дебаты по методологии планирования пятилетних планов. Но сам Богданов ни в этих дебатах, ни в широко развернувшемся движении НОТ уже не участвовал: с начала 1920-х гг. ему была уготована, по его собственным словам, роль «официального “дьявола”, от которого “отрицаются”, на которого “дуют и плюют”» (Богданов, 2023, с. 611).

Начало литературно-политической травли было положено инспирированным Предсовнаркома Ульяновым-Лениным постановлением ЦК ВКП (б) «О Пролеткультах» и спешным переизданием в конце 1920 г. книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» с добавлением зашательской статьи В. Невского (Кривобокова), которая «дает необходимые указания», что «под видом “пролетарской культуры” проводятся А.А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения» (Ленин, т. 18, с. 12).

Ленин уже не первый раз прибег к услугам клеветов в борьбе против «богдановской философии» и всеу упоминаемого «богостроительства». Но теперь в ход был пущен административный ресурс; причем даже после ликвидации автономии Пролеткульта и ухода из него Богданова инстинктивно неприязненное отношение «вождя мирового пролетариата» к идее пролетарской культуры давало о себе знать. Оно сыграло роковую роль в 1929 г., когда уста-

новлению режима монополии И. Сталина на «марксизм-ленинизм» способствовала публикация тенденциозных замечаний Ленина на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» (1920). В них Ленин, ни на йоту не разобравшись в существе вопроса, третировал «любимца партии» за то, что тот взял термины «планомерная организация», «регулирование» и «нормировка» в «значении, в котором они используются тов. А. Богдановым» в полемической статье против тейлориста Гастева (Богданов, 1924, с. 317), никакого отношения к философии не имеющей.

Бухарин, хотя не раз как партийный идеолог выступал против Богданова, сохранял уважение к энциклопедисту-«еретику» от марксизма и резонно отметил и новаторство «всеобщей организационной» науки, и голое невежество Невского. Но вызвал этим лишь раздражение своей испорченностью «эклетицизмом Богданова» (Ленин, 1929, с. 361).

7. «Кейнсианец»

Зимой 1921–1922 гг. уже не член ЦК Пролеткульта, но еще член Президиума Социалистической академии А.А. Богданов был привлечен к подготовке Генуэзской финансово-экономической конференции, на которой советская делегация рассчитывала прорвать дипломатическую и экономическую изоляцию страны и отчасти сумела это сделать заключением Рапалльского договора с Германской (Веймарской) республикой. Доклад Богданова о «Версальском устройстве» западных держав и вытекающей позиции России был признан, по словам председателя Госплана Г.М. Кржижановского, ценным и полезным для советской делегации (Богданов, 1995, с. 46) и опубликован в первом выпуске «Вестника Социалистической академии» (Богданов, 1922). В процессе подготовки доклада советский полпред и торгпред в Англии и нарком внешней торговли Л.Б. Красин организовал поездку своего старого революционного соратника А.А. Богданова в Лондон.

Во время Генуэзской конференции советские делегаты вели (без особых результатов) конфиденциальные переговоры с британским финансовым экспертом вигом Дж.М. Кейнсом, снискавшим мировую известность бестселлером «Экономические последствия Версальского мира». А при обсуждении доклада А.А. Богданова в Соцакадемии председательствующий В. Милютин (в 1914 г. – автор первой из клеветных журнальных статей большевиков против Богданова, а в 1917 г. – нарком земледелия в первом советском правительстве) упрекнул автора в том, что тот «критикует капитализм, как Кейнс», и доклад проникнут «точкой зрения буржуазного экономиста Кейнса, который полагает, что капитализм мог быть умным» (Богданов, 1922, с. 144, 146).

На самом деле, если рассматривать Богданова в контексте современной ему экономической мысли, более всего сходства (при принципиальном различии в социологической оценке инженерно-технической элиты) с его взглядами обнаруживается в концепциях основоположника институционализма Т. Веблена (Гловели, 2010, с. 123–127; Гловели, 2023, с. 31). Но стоит отметить и пункты пересечения позиций М. Кейнса и А. Богданова при всей их исходной методологической и идеологической полярности:

1) опираясь на тектологический принцип цепной связи в концепции экономического цикла, Богданов подошел к кейнсианской идее мультипликатора;

2) как и для Кейнса, для Богданова закономерным и прогрессивным представлялось устранение гипертрофии рантьерства в организационной динамике капитализма XX в. (Богданов, 1990, с. 355).

Однако, если говорить о прямом влиянии Кейнса на судьбу Богданова, надо вспомнить другого Кейнса – не Мейнарда, будущего барона Тилтона, а его младшего брата – Джеффри Лэнгдона Кейнса (1887–1982), основателя Лондонской службы переливания крови.

Как и полковой врач капитан Александр Малиновский (Богданов), хирург-консультант лейтенант Джеффри Кейнс участвовал в первой мировой войне, вынеся с фронта тяжелые впечатления. Он стал экспертом по трансфузиологии и автором первой в Англии книги «Переливание крови», сконструировал новый аппарат для переливания крови. Дж.Л. Кейнс дал сводное изложение проблем, связанных с переливанием крови, и практические инструкции по его проведению (White, 2019, p. 443).

Будучи в качестве эксперта-политэконома в Англии по приглашению Л. Красина, тектолог приобрел аппарат Кейнса и его книгу (Keynes, 1922), наряду с другим оборудованием и препаратами для проведения операций, и новой англоязычной литературой по трансфузиологии. Но Джеффри Кейнс значение переливания крови ограничивал лечением боевых ранений, анемии, кровотечений и использования терапевтических свойств свежей крови в случаях общего токсикоза. Богданов смотрел на трансфузии гораздо более широко, в соответствии со своей, высказанной еще в «Красной звезде», а затем в 1 томе «Тектологии», гипотезой «товарищеского обмена кровью» для «интегрального повышения жизнеспособности» и увеличения продолжительности жизни (Богданов, 1913, с. 145).

По возвращении в Москву Богданов, подготовив фундаментальный однотомник «Тектологии» в частном нэповском издательстве Гржебина (1922), начал опыты по обменному переливанию крови на квартире своего фронтowego друга С.Л. Малолеткова, к тому времени преподавателя Фельдшерской школы при знаменитой Голицынской больнице. В условиях НЭПа многочисленные переиздания учебников политэкономии Богданова и его обоих романов приносили тектологу неплохие доходы, употребленные на дополнительное оснащение начавшихся процедур. Верных соратников в новом деле, кроме своей жены и доктора Малолеткова, Богданов обрел в лице тульского гимназического товарища терапевта И.И. Соболева и привлеченного им хирурга Д.А. Гудим-Левковича. Одновременно Богданов познакомил со своими результатами «организационного анализа» последствий мировой войны и революции группу учащейся молодежи, которая в середине 1923 г. заявила о себе как оппозиционная советскому партийно-бюрократическому «новому классу» группа «Рабочая правда». Из-за этого осенью 1923 г. Богданов был арестован ГПУ (Биггарт, 1993, с.146–147). Хотя ему удалось оправдаться перед Ф. Дзержинским, на тектолога окончательно легла репутация проповедника «антимарксистских и антикоммунистических» взглядов. Он не был переизбран в новый состав Президиума Социалистической академии, а его доклад «Общественнонаучное значение новейших тенденций естествознания» не был напечатан и увидел свет лишь в XXI в. (Богданов, 2004).

После освобождения из тюрьмы Богданов был удручен возобновившейся травлей и отступничеством пролеткультовцев (их отречением от «богдановщины»). Однако смог не только возобновить деятельность своего кружка «физиологического коллективизма», но и успешной операцией облегчить последний год жизни страдавшего тяжелой формой анемии Л.Б. Красина³ и убедить наркома здравоохранения Н.А. Семашко выступить с инициативой создания в Москве первого не только в стране, но и в мире Института переливания крови. Инициатива была поддержана тогдашним верховным «дуумвиратом» Политбюро ЦК ВКП(б) – главредом партийной газеты «Правды» Н. Бухариным и генсеком И. Сталиным. В марте 1926 г. при

³ Сам Богданов поначалу отговаривал Красина от операции, но решился на нее, перечитав книгу Дж.Л. Кейнса.

Наркомздраве был учрежден Институт переливания крови, получивший часть помещений роскошного здания на Якиманке (бывшего особняка купца Игумнова), где уже располагался Институт мозга.

Богданов был назначен директором Института, сумев своим энтузиазмом и продуманными решениями о структуре и направлениях работ привлечь к руководству подразделениями Института, его исследованиям и лечебной практике видных врачей-специалистов: патофизиолога и эндокринолога А.А. Богомольца, первого советского гематолога Х.Х. Владоса, терапевта М.П. Кончаловского, хирурга С.И. Спасокукоцкого. Богданов встречался с заведующим кафедрой факультетской хирургии Харьковского медицинского института В.Н. Шамовым, который еще в 1919 г. в клинике факультетской хирургии Военно-медицинской академии в Петрограде впервые провел первое переливание крови с учетом групповой принадлежности донора и реципиента.

Институт, руководимый Богдановым, наладил изготовление стандартных сывороток на группы крови и провел за два года около 400 операций, в большинстве своем удачных. Директор описал достижения и проблемы в 1927 г. в книгах «Год работы Института переливания крови» и «Борьба за жизнеспособность». Он убедил руководство возникшего тогда военно-патриотического Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахима) начать организацию службы крови для Красной Армии.

Наконец, в том же году он включил в новое издание 2-го тома «Тектологии» параграф «Тектология борьбы со старостью». Назвав его не совсем точно, хотя сразу оговорив, что, конечно, наивно подобно некоторым алхимикам старых времен, предполагать, что молодая кровь просто, так сказать, механически способна омолодить старый организм заключающимся в ней избытком «жизненной силы» (Богданов, 2023, с. 370).

Изначально Богданов действительно акцентировал перспективы обменного переливания крови для борьбы со старостью и увеличения продолжительности человеческой жизни до «естественных» пределов. Но уже тогда он подчеркивал, что речь идет не только об «омоложении» стариков юношеской кровью, но и о передаче молодым возрастными иммунитетов к болезням; кровь пожилых имеет свои преимущества (Богданов, 1927а, с. 12–13).

Занимаясь практической трансфузиологией, Богданов настоятельнее стал проводить идею о том, что обменное переливание крови может помочь и не только старому, но и молодому организму укрепить «слабые линии» их жизнеспособности. Более того, в условиях напряженной социально-хозяйственной обстановки НЭПа от обменных переливаний крови больше пользы могут получить как раз молодые работники, особенно те, которые совмещают учебу с общественной деятельностью и трудом для заработка (Богданов, 1927а, с. 32–33). Наконец, нет никаких оснований ограничиваться сочетанием старого или молодого: расширение жизни здесь зависит вообще от *выхода за пределы индивидуальности*, от прибавления индивидуального к индивидуальному для жизненного согласования (Богданов, 2023, с. 371).

8. Боец за коллективную жизнеспособность

Не торопясь с выводами, Богданов среди наиболее успешных результатов первого года деятельности Института описал случаи (Богданов, 1927а, с. 7, 22, 27), которые могут быть сгруппированы в три типа:

- улучшение здоровья у пожилых людей после обмена кровью с молодыми – особенно у 54-летнего инженера Нагорского, обменявшегося кровью с девушкой 23 лет;
- операция, поставившая на ноги 5-летнего ребенка с туберкулезной наследственностью, который до этого не мог ходить; обмен кровью физически довольно сильного, но неврастеничного одного мужчины 42 лет с 17-летней дочерью, после чего «девушка буквально расцвела»;
- улучшение здоровья у больных после обмена с более здоровыми людьми примерно их возраста: ответственного московского работника И.В. Цивцивадзе; крестьянина из Семипалатинской области (в отчаянии приехавшего в Москву с туберкулезом после прочтения заметки об Институте в газете «Беднота»), и бухгалтера, донорами которых выступили их жены.

В условиях НЭПа Богданов, зная, что в США в те времена донорство было уже поставлено на коммерческую основу, и даже возник профсоюз доноров, обратил внимание и на экономическую сторону обменных переливаний крови. Они позволяли отчасти преодолеть материальные и социальные ограничения, когда родственники и друзья больных нечасто в состоянии дать им свою кровь, а платное донорство дорого стоит и ставит в привилегированное положение состоятельных людей (Богданов, 1927а, с. 34).

Выдвигая уже на первый план идею «иммунитетной» помощи молодым, изношенным «несоразмерностью между индивидуальными силами организма и тяжестью жизненных задач, которые он вынуждается решать», страдающим от истощения, особенно нервного (Богданов, 1927а, с. 32–33), Богданов рассчитывал помочь молодежи прежде всего в борьбе против ее главного в то время «бича» – туберкулеза, угрожавшего по преимуществу именно юным организмам и разраставшегося с развитием промышленной и городской жизни (Богданов, 1927, с. 6, 132). Отметим, что туберкулез унес и жизни многих близких Богданова – вторую жену Анфусу Смирнову (1874–1915), родившую ему сына; ранее – выдающихся рабочих-организаторов – туляка Ивана Савельева и уральца Никифора (Михаила) Вилонова (1883–1910). Через несколько лет грозная болезнь скосила самого выдающегося из научных оппонентов Богданова – «Мощарта психологии» Л.С. Выготского.

Получивший экспериментальные подтверждения того, что кровь пожилых людей может повысить сопротивляемость молодых организмов туберкулезу, директор Института переливания крови свой последний товарищеский обмен кровью сделал со студентом-туберкулезником, излечившимся и прожившим потом долго. Но за 55 лет, увы, не обмолвившемся об ученом, для которого уже 11-я по счету трансфузия обернулась тяжелым заболеванием и летальным исходом.

Возможно, Богданов поплатился именно за чрезмерное количество опытов на самом себе. Возможно, из-за несовместимости по еще неизвестному тогда резус-фактору. Возможно, стал жертвой злого умысла.

Авторы предисловий к очередным, ставшим посмертными, изданиям «Красной звезды» и «Тектологии» воздали должное подвижничеству «человека большой культуры и ума и сердца, пламенного идеалиста, в лучшем смысле этого слова» (Легран, 1929, с. 11), с трагической серьезностью самоотверженного врача завершившего «изумительный монизм» своего жизненного пути (Базаров, Кан, 1929, с. 4). От имени «партийных товарищей» взволнованную речь произнес Н. Бухарин, подчеркнувший, что пришел с проститься с покойным не для того,

чтобы у его гроба «замазывать разногласия и беспринципно вести торговлю идеями», но воздать должное человеку, интеллектуальная фигура которого не может быть измерена обычными мерками.

Но над головой самого Бухарина уже сгустились тучи. Публикация вышеупомянутых критиканских маргиналий Ленина дала «диалектику» Сталину дополнительный козырь в изобличении «схоластика» Бухарина (см.: Гловели, 2020). «Подхлестывая» форсированную индустриализацию и сплошную коллективизацию, генсек разгромил «теорию равновесия», под которую можно было подвести всех экономистов, протестовавших против беспощадной ломки народнохозяйственных пропорций и игнорирования «слабых звеньев» (узких мест) в экономике. Арестованный по сфабрикованному делу Союзного бюро РСДРП(м) В.А. Базаров не дал «признательных» показаний, но большинство не выдержало и призналось в плановом, финансовом и аграрном «вредительстве»; а сталинские клеветы – сикофанты «марксизма-ленинизма» – разжигали жупел «богдановщины» – «идеалистической фальсификации марксизма, смыкающейся с реакционной буржуазной наукой» и породившей «механистическую теорию равновесия» – идейную основу «правого уклона» и «вредительских» теорий планирования.

Страх от жупела «идеализма и механицизма», враждебного «революционной диалектике», затронул и медицинское детище Богданова. С начала 1930-х гг. руководство Института переливания крови дистанцировалось от идеи о том, что обмен крови между двумя добровольцами может приводить к «положительному увеличению суммы элементов развития», а в приснопамятном 1937-м имя Богданова исчезло из названия Института переливания крови.

Надо, однако, сказать, что дело Богданова-врача – борца за жизнеспособность вообще и против уносившего миллионы жизней туберкулеза в особенности, – «продолжил» быстрый прогресс трансфузиологии и привития вакцины от туберкулеза, начавшийся вскоре после смерти тектолога, в самом конце 1920-х. Осенью 1928 г. под впечатлением опытов В.Н. Шамова на собаках и разговора с ним выдающийся московский хирург С.С. Юдин принял за разработку технологии применения трупной крови и добился результата уже к осени 1930 г. (Юдин, 1935, с. 3); в том же году возникли новые институты переливания крови – в Ленинграде и Харькове.

В течение столь контрастных 1930-х гг. в СССР были созданы первые в мире банки крови, строжайшие критерии качества и безопасности в этой области, развернулось массовое донорское движение; более 50 филиалов и 7 дочерних институтов по образцу, созданному Богдановым, вели научные исследования, внедренческую и кадровую работу по всей стране. «Богдановская программа создания передовой гемотрансфузиологической службы не просто была реализована, а дала ошеломляющие результаты» (Тюкин, Фионик, Чурилов, 2010, с. 257). Хотя его идея «товарищеского обмена кровью» в коллективной борьбе за жизнеспособность, увенчавшая «монистическую» утопию всеобщей организационной науки, и осталась в прошлом. Как памятник уникальному сплаву российской социалистической мысли с той дерзкой разновидностью естествознания рубежа XIX и XX вв., для которой возможности науки и техники в «организации человеческих сил» (Богданов, 2023, с. 211) представлялись бесконечными.

9. Вместо заключения. «Народная тектология» и ее извратители

Говоря о пути человечества к организационной науке, Богданов упоминал и «народную тектологию» – пословицы и поговорки, в которых запечатлен обыденный организационный

опыт (Богданов, 2023, с. 115–118, 246). В недавние годы в Рунете обсуждалась судьбы античной поговорки «о мертвых либо хорошо, либо ничего» (буквально «о мертвых не злословь»), которую энциклопедист и утопист кн. В.Ф. Одоевский предложил изменить так: «о мертвых либо ничего, либо всю правду» (Одоевский, 1874, стб. 356).

Одоевский оговорил, что «нас губит равнодушие к мошенничеству», а «ложь, неопределенное подозрение против мертвого позорны» (Одоевский, 1874, стб. 359, 360). История освещения идей А.А. Богданова в российской литературе – это во многом история векового позора при равнодушии к мошенничеству.

В советское время, как уже упоминалось выше, мошенничество проявлялось прежде всего в приписывании А.А. Богданову «пролеткультовского нигилизма» и «богостроительства». В молодости автор этих строк благодушно надеялся, что проделанная им работа по выяснению корней этих фальсификаций и издание репрезентативного сборника избранных работ Богданова послужат расчистке авгиевых конюшен историографии. Но уже в 1991 г. я пришел к грустному выводу, что «оболгание Богданова было, есть и будет» (Гловели, 1991, с. 58). Хотя не мог предположить, что в будущем оно коснется прежде всего деятельности Богданова как основателя-директора Института переливания крови.

Принимая участие в документальном фильме о Богданове в серии «Гении и злодеи» ВГТРК «Культура» (проект «Цивилизация»), я не посмотрел снятый ранее для той же серии фильм «Анатолий Луначарский. Миноносец “Легкомысленный”» (2014). Невежественные авторы фильма, которым, по-видимому, не знаком сам термин «танатология», полностью извратили позицию Богданова по этой проблематике, утверждая, что тот занимался «оккультными науками» и был «одержим» идеей «вечной жизни», внушив встретившемуся с ним в Вологде Луначарскому, что можно добиться личного бессмертия с помощью обменных переливаний крови между старыми и молодыми.

В одной фразе – сразу многократное и многослойное вранье. Не говоря уже о том, что политссыльные Богданов и Луначарский познакомились не в Вологде, а раньше, в Калуге, а «Красную звезду» Богданов начал писать позже. Богданов никогда не занимался оккультными науками (хотя среди множества увлечений «легкомысленного» Луначарского была, среди прочего, и хиромантия). Исключительно рационалистический характер танатологии Богданова, отдельно изложенной в нескольких эссе в период времени между созданием «Красной звезды» и выходом 1-го тома «Тектологии», проявился в принципиальной постановке вопроса о двукратном увеличении возможной продолжительности жизни (с допущением даже добровольного ухода до «естественного конца», когда «чувство жизни слабеет и притупляется»), но отнюдь не об индивидуальном бессмертии. Более того, Богданов резко разошелся в этом вопросе с М. Горьким, не желавшим «смерти знать, невзирая на пределы земной жизни». Последовательный эволюционист Богданов отвергал такое эмоциональное требование, выдвигая формулу «смена поколений в природе как средство развития жизни, *сотрудничество поколений* в обществе как средство завоевания природы, ее организации для человечества» (Богданов, 1995, с. 191).

Фейк об «оккультизме» был пущен мошенниками пера, в филистерской горячке узревшими в романе «Инженер Мэнни» (в сцене беседы во сне героя с вампиром) влияние на Богданова скандального романа Б. Стокера о графе Дракуле (бред!). Хотя ранее по сюжету в беседе со своим сыном социалистом Нэтти, учеником великого экономиста Ксармы, Мэнни (воплощение индивидуализма буржуазной культуры!) замечает: «Мне известно, что ваши рабочие

часто называют капиталистов вампирами; но ведь это просто брань или, в крайнем случае, агитационный прием» (Богданов, 1990, с. 264). Уточнение: не просто агитационный прием, а навеянный 1-м томом Марксова «Капитала», который Богданов изучал с тульскими рабочими и в котором глава «Рабочий день» содержит броское определение: «Капитал – это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд» (Маркс, Энгельс, т. 23, с. 244).

Но где уж нынешним, так сказать, филфейкерам (от «филолог» (или «филистер») и «фейк») до Маркса и рабочих! И тем более до расширенного (вообще вне связи с кровью!) использования понятия «вампиризм» в религиозно-философской концепции Богданова, обратившего внимание на то, что за преданиями о мертвых телах, встающих из могил и вредящих людям, скрыто отражение в примитивном мышлении реального факта, что «мертвое тело часто является источником вреда и опасностей (при эпидемиях и просто при скоплении гниющих тел, отравляющих почвы и воду и т. под.)» (Богданов, 1910, с. 37–38).

И в романе «Инженер Мэнни», и в более ранних эссе (Богданов, 1910б; Богданов, 1995, с. 68–75) Богданов переносил метафору «вампира» и на тех людей, которые переживают самих себя как общественных деятелей и начинают играть реакционную роль, и на отжившие учреждения и идеи, которые упорно «впиваются в жизнь» (Богданов, 1990, с. 265). В этом смысле он писал о «феодално-католических упырях» в абсолютистских Испании и Франции (Богданов, 1910б), и в этом же смысле предостерегал от угрозы «вампира – абсолютного марксизма» вследствие нетерпимости «ортодоксии» Плеханова – Ленина (Богданов 1910, с. 222–223).

Ни в самых разнообразных, как мы видели, по тематике и жанрам сочинениях Богданова, ни в его записных книжках (где есть сравнение Плеханова с мертвецом, пережившим свою историческую роль) нет ни намек на какую-либо связь трансфизиологической концепции Богданова (пусть – утопии!) с мифом о Дракуле и оккультизмом. Как нет и намек на слившуюся с филфейковым блефом о «красном вампиризме» ложь, будто бы «в идеале» операции в богдановском Институте переливания крови подразумевали парное участие «старых большевиков» и юношей, чтобы первые «омолаживались», а вторые связывалась «кровными узами» с ветеранами-партийцами (подробнее про этот бред см.: Гловели, 2018).

Люди, не будьте равнодушны к мошенничеству и не стесняйтесь клеймить позором распространителей бредятины, плавающей фейками по мутным волнам интернета и «изданий»! Тогда и только тогда не только обращение к научному наследию, но и критика утопизма оплодотворят новые знания и подтвердят вывод А.А. Богданова, что «в истории науки найдется немало давно отживших теорий и гипотез, которые, однако, могут еще служить ценным тектологическим материалом. В этом смысле тектология сохранит и сбережет для человечества много его труда, кристаллизованного в истинах прошлого» (Богданов, 2023, с. 384).

Список литературы

- Базаров В.А. 75-летие К.А. Тимирязева // Новая жизнь. 1918. 4 июня.
- Базаров В.А. Избранные произведения. Т. 2. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2014.
- Базаров В.А. Пионеры марксизма // Русская литература XX века / под ред. С.А. Венгерова. Кн. 1. М.: ИЦ «XXI – Согласие», 2000.
- Базаров В.А. Труд производительный и труд, образующий ценность. СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1899.

- Базаров В.А., Кан И.А. Богданов (Малиновский) Александр Александрович // Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (тектология). Часть III. Л. – М.: Книга, 1929. С. 3–9.
- Бердяев Н.А. Заметка о книге А. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. 1902. Вып. 4 (64).
- Бердяев Н.А. Самопознание. М.: СП «ДЭМ»: «Международные отношения», 1990.
- Биггарт Дж. Александр Богданов и теория «нового класса» // Социологические исследования. 1993. № 7.
- Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 2. Вып. 4. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. 3-е изд. М.; Пг.: Госиздат, 1924.
- Богданов А.А. Борьба за жизнеспособность. М.: Новая Москва, 1927.
- Богданов А.А. Версальское устроительство // Вестник Социалистической академии. 1922. Вып. 1.
- Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.
- Богданов А.А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918.
- Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (тектология). СПб: М.И. Семенов, 1913.
- Богданов А.А. Год работы Института переливания крови. М.: Изд. Института переливания крови, 1927а.
- Богданов А.А. Из психологии общества. СПб: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1906.
- Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. М.: Изд-во А.М. Муриновой, 1897.
- Богданов А.А. Между человеком и машиною (о системе Тейлора). СПб.: Прибой, 1913а.
- Богданов А.А. Мировые кризисы, мирные и военные // Летопись. 1916. № 3, 4, 5, 7.
- Богданов А.А. Новые точки зрения в экономической науке (ответ г. Туган-Барановскому) // Научное обозрение. 1900. № 8.
- Богданов А.А. О пролетарской культуре. Л.; М.: Книга, 1924.
- Богданов А.А. Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания // Вестник Международного института А. Богданова. 2004. № 2 (18). С. 5–24.
- Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: АО печатного дела «Издатель», 1899.
- Богданов А.А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука: ответ на книгу Вл. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм». М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1910.
- Богданов А.А. Памяти великого учителя. Тифлис: «Гермес», 1914.
- Богданов А.А. Письма В.В. Вересаеву // Вестник Международного института А. Богданова. 2002. № 2 (10).
- Богданов А.А. Приключения одной философской школы. СПб.: Товарищество «Знание», 1908.
- Богданов А.А. Пролетариат и искусство // Протоколы первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительских организаций. М.: Изд. Пролеткульт, 1918а.
- Богданов А.А. Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. М.: ИЦ «Аиро-XX», 1995.
- Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. 7-е изд. М.: Ленанд, 2023.
- Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Кн. 1. М.: Экономика, 1989.
- Богданов А.А. Упыри // Киевская мысль. 1910а. 19 июля.

- Богданов А.А. Философия живого опыта. СПб.: М.И. Семенов, 1923.
- Богданов А.А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб.: Тов-во «Знание», 1909.
- Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003.
- Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970.
- Бухарин Н.И. Памяти А. Богданова // На новом поле. Сборник трудов Государственного научного института переливания крови им. А. А. Богданова. Т. 1. М.: Тип. РИО ВЦСПС, 1928.
- Бухарин Н.И. Рецензия на книгу А. Богданова «Вопросы социализма» // Коммунист. МК РСДРП. 1918. № 3.
- Бюхер К. Работа и ритм. СПб: Изд. О.Н. Поповой, 1899.
- Ванновский А. Марсиане в квадрате // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952. 13 апреля.
- Гастев А.К. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9–10.
- Геглов Г. Марсотопия // Вестник Международного института А. Богданова. 2001. № 1 (5).
- Гловели Г.Д. «Социализм науки»: мебиусова лента А.А. Богданова. М.: Знание, 1991.
- Гловели Г.Д. «Страсть к монизму»: гедонический подбор Александра Богданова // Вопросы философии. 2003. № 9.
- Гловели Г.Д. А.А. Богданов как социолог и утопист: проблема «класса для себя» // Социологические исследования. 2023. № 11.
- Гловели Г.Д. Ленинизм, «термины тов. А. Богданова» и философ Ильенков как апологет сталинской экономики «разрушения равновесия» // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 2.
- Гловели Г.Д. Не-богостроительство и не-вампиризм: демифологизация творческого наследия А.А. Богданова // Полилог. 2018. № 4.
- Гловели Г.Д. Политическая экономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма // Вопросы экономики. 2010. № 10.
- Гроссе П. Происхождение искусства. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1899.
- Дживелегов А.К. Утопии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/т 69. СПб: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1902.
- Дорофеев В. (1988). Оппонент, или Пояснительная записка к речи Н.И. Бухарина на одной из гражданских панихид 1928 года // Литературная газета. 1988. № 49. 7 дек. С. 13.
- Дэвлет Е.Г. Альтамира: у истоков искусства. М.: «Алетейя», 2004.
- Ермолаев И.Е. Мои воспоминания // Север. Вологда. 1923. № 3–4.
- Зайцев Б.А. Литературные портреты // Знамя. 1989. № 10.
- Зубчанинов В.В. Увиденное и пережитое. М.: ИМЭМО, 1995.
- Каменев Л. Между двумя революциями: Сб. ст. 2-е изд. М.: Новая Москва, 1923.
- Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб: Иван Лимбах, 1996.
- Кареев Н.И. Экономический материализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/т 79. СПб: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1904.
- Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997.
- Легран Б. Предисловие // Богданов А.А. Красная звезда. Л.: Красная газета, 1929.
- Лейтейзен М.Г. Письмо ответственного секретаря Секции междупланетных сообщений ВНО к К.Э. Циолковскому // Архив РАН. Фонд 555 (личный архив Циолковского К. Э.), оп. 4, дело № 356. 1924.

- Ленин В.И. Замечания на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» // XI Ленинский сборник. М.: Госполитиздат, 1929.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1967–1975.
- Лепешинский П.Н. Трагедия крупного ума // Огонек. 1928. № 17.
- Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М.: Советская Россия, 1968.
- Луначарский А.В. Рец. на: Богданов А. Красная звезда // Образование. 1908. № 5.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1981.
- Менделеев Д.И. Вещество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/т 11. СПб: 1992.
- Мензбир М.А. Исторический очерк воззрений на природу. М.: Изд. кн. магазина «Гроссман и Кнебель», 1896.
- Морозова А.Ю. «Неленинский большевизм» А.А. Богданова и «впередовцев»: идеи, альтернативы, практика. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
- Мюллер М. Наука о мысли. СПб: Изд. А.С. Семенова, 1891.
- Одоевский В.Ф. Отрывки из записок // Русский архив. 1874. № 2.
- Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения. М.: ИНФРА-М, 2009.
- Оствальд В. Философия природы. СПб: Брокгауз–Ефрон, 1903.
- Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. II. М.: Госполитиздат, 1956.
- Пудов С.Я. А.А. Богданов. Мои воспоминания // Каторга и ссылка. 1930. № 1 (62).
- Ревич В. Не было, но и не выдумка. Фантастика в русской дореволюционной литературе. М.: Знание, 1979.
- Русанов В.А. Статьи, лекции, письма. М.: Изд-во Главсевморпути, 1945.
- Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. Вып. 2. Космические корабли в фантазиях романистов. Л.: Изд. Автора, 1928.
- Смидович П.Г. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М.: Советская энциклопедия, 1989.
- Струве П.Б. Patriotica (Статьи 1905–1910). СПб: Изд. Д.Е. Жуковского, 1911.
- Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. М.: Наука: РОССПЭН, 1997.
- Туган-Барановский М.И. Экономическая наука // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/т 55. СПб: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1899.
- Тюкин В.П., Фионик О.В., Чурилов Л.П. Универсальность Серебряного века: А.А. Богданов врач, естествоиспытатель и философ. Сообщение II. Богданов практик: судьба его идей // Вестник СПбГУ. Сер. 11. Медицина. 2010. № 2.
- Фаддеев Т. Д. Жизнь на крови. Воспоминания о войне. 1914–1915 годы. М.: Радуница, 2014.
- Френкель З.Г. Записки о жизненном пути // Вопросы истории. 2006. № 2.
- Юдин С.С. Переливание трупной крови // Правда. 1935. 10 марта.
- Graham L. Bogdanov's Inner Message // Bogdanov A. Red Star. The first Bolshevik Utopia. Bloomington. Indiana University Press, 1984.
- Keynes G. Blood transfusion. Oxford Medical Publications. London: H. Frowde and Hodder & Stoughton, 1922.
- Noire L. Der Ursprung der Sprache. Mainz, 1877.
- White J. Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov. Brill, 2019.

Conference Materials

A.A. BOGDANOV AS AN ENCYCLOPEDIA SCIENTIST

Georgii J. Gloveli

*Doctor of Economics, Professor,
National Research University «Higher School of Economics»;
Head of the Center for Methodological and Historical-Economic Research,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(Moscow Russia)*

Abstract

The article reveals the versatility of the scientific heritage of A.A.Bogdanov-Malinovsky, the creator of the first universal system concept in the history of science – tectology. The contribution of A.A.Bogdanov to the development of problems of political economy in a broad sense, the theory of economic crises, planning methodology, sociology, characterology, and the organization of the world's first Blood Transfusion Institute is analyzed. Special attention is paid to the influence of prominent scientists of Moscow University on Bogdanov's worldview and the reflection in Bogdanov's fiction of socialist discourse, achievements of natural science of the early twentieth century and global problems of mankind.

The intersection of Bogdanov's intellectual and practical activities with the research of the Keynes brothers, both a macroeconomist and a transfusiologist surgeon, is noted.

Keywords: political economy in a broad sense, historical monism, tectology, hedonic selection, utopianism, characterology, world crises, "War communism", planning, NEP, collective struggle for viability.

JEL: B14, B31, N23, N24, N44, O21, P16, P50.

For citation: Gloveli, G.J.(2024) A.A. Bogdanov as an Encyclopedic Scientist. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 16, no. 4, pp. 158-190. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-4-158-190.

References

- Bazarov V.A. 75-letie K.A. Timiryazeva. Novaya zhizn'. 1918. 4 iyunya. (In Russ.).
- Bazarov V.A. Izbrannye proizvedeniya. T. 2. M.: ID «Delo» RANKhiGS, 2014. (In Russ.).
- Bazarov V.A. Pionery marksizma. Russkaya literatura KhKh veka / pod red. S.A. Vengerova. Kn. 1. M.: ITs «XXI – Soglasie», 2000. (In Russ.).
- Bazarov V.A. Trud proizvoditel'nyy i trud, obrazuyushchiy tsennost'. SPb.: Izd. S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova, 1899. (In Russ.).
- Bazarov V.A., Kan I.A. Bogdanov (Malinovskiy) Aleksandr Aleksandrovich. Bogdanov A.A. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (tektologiya). Chast' III. L. – M.: Kniga, 1929. S. 3–9. (In Russ.).

- Berdyayev N.A. Zametka o knige A. Bogdanova «Poznanie s istoricheskoy tochki zreniya». Voprosy filosofii i psikhologii. 1902. Vyp. 4 (64). (In Russ.).
- Berdyayev N.A. Samopoznanie. M.: SP «DEM»: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1990. (In Russ.).
- Biggart Dzh. Aleksandr Bogdanov i teoriya «novogo klassa». Sotsiologicheskie issledovaniya. 1993. № 7. (In Russ.).
- Bogdanov A., Stepanov I. Kurs politicheskoy ekonomii. T. 2. Vyp. 4. Obshchaya teoriya kapitalizma. Kollektivisticheskiy stroy. 3-e izd. M.; Pg.: Gosizdat, 1924. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Bor'ba za zhiznesposobnost'. M.: Novaya Moskva, 1927. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Versal'skoe ustroitel'stvo. Vestnik Sotsialisticheskoy akademii. 1922. Vyp. 1. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let. M.: Politizdat, 1990. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Voprosy sotsializma. M.: Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve, 1918. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (tektologiya). SPb: M.I. Semenov, 1913. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. God raboty Instituta perelivaniya krovi. M.: Izd. Instituta perelivaniya krovi, 1927a. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Iz psikhologii obshchestva. SPb: S. Dorovatovskiy i A. Charushnikov, 1906. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Kratkiy kurs ekonomicheskoy nauki. M.: Izd-vo A.M. Murinovoy, 1897. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Mezhdru chelovekom i mashinoy (o sisteme Teylora). SPb.: Priboy, 1913a. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Mirovye krizisy, mirnye i voennye. Letopis'. 1916. № 3, 4, 5, 7. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Novye tochki zreniya v ekonomicheskoy nauk (otvet g. Tugan-Baranovskomu) // Nauchnoe obozrenie. 1900. № 8. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. O proletarskoy kul'ture. L.; M.: Kniga, 1924. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Obshchestvenno-nauchnoe znachenie noveyshikh tendentsiy estestvoznaniya. Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova. 2004. № 2 (18). S. 5–24. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Osnovnye elementy istoricheskogo vzglyada na prirodu. SPb.: AO pechatnogo dela «Izdatel'», 1899. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Padenie velikogo fetishizma (Sovremennyy krizis ideologii). Vera i nauka: otvet na knigu Vl. Il'ina «Materializm i empiriokrititsizm». M.: S. Dorovatovskiy i A. Charushnikov, 1910. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Pamyati velikogo uchitelya. Tiflis: «Germes», 1914. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Pis'ma V.V. Veresaevu. Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova. 2002. № 2 (10). (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Priklyucheniya odnoy filosofskoy shkoly. SPb.: Tovarishchestvo «Znanie», 1908. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Proletariat i iskusstvo. Protokoly pervoy Vserossiyskoy konferentsii proletarskikh kul'turno-prosvetitel'skikh organizatsiy. M.: Izd. Proletkul'ta, 1918a. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Stat'i, doklady, pis'ma i vospominaniya. 1901–1928 gg. Neizvestnyy Bogdanov. Kn. 1. M.: ITs «Airo-KhKh», 1995. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka. 7-e izd. M.: Lenand, 2023. (In Russ.).

- Bogdanov A.A. Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka. Kn. 1. M.: Ekonomika, 1989. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Upyri // Kievskaya mysl'. 1910a. 19 iyulya. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Filosofiya zhivogo opyta. SPb.: M.I. Semenov, 1923. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Filosofiya sovremennogo estestvoispytatelya. Ocherki filosofii kollektivizma. Sb. 1. SPb.: Tov-vo «Znanie», 1909. (In Russ.).
- Bogdanov A.A. Empiriomonizm. Stat'i po filosofii. M.: Respublika, 2003.
- Britikov A.F. Russkiy sovetskiy nauchno-fantasticheskiy roman. L.: Nauka, 1970. (In Russ.).
- Bukharin N.I. Pamyati A. Bogdanova. Na novom pole. Sbornik trudov Gosudarstvennogo nauchnogo instituta perelivaniya krovi im. A. A. Bogdanova. T. 1. M.: Tip. RIO VTsSPS, 1928. (In Russ.).
- Bukharin N.I. Retsenziya na knigu A. Bogdanova «Voprosy sotsializma». Kommunist. MK RSDRP. 1918. № 3. (In Russ.).
- Byukher K. Rabota i ritm. SPb: Izd. O.N. Popovoy, 1899. (In Russ.).
- Vannovskiy A. Marsiane v kvadrate. Novoe russkoe slovo (N'yu-York). 1952. 13 aprelya. (In Russ.).
- Gastev A.K. O tendentsiyakh proletarskoy kul'tury. Proletarskaya kul'tura. 1919. № 9–10. (In Russ.).
- Geglov G. Marsotopiya. Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova. 2001. № 1 (5). (In Russ.).
- Gloveli G.D. «Sotsializm nauki»: mebiusova lenta A.A. Bogdanova. M.: Znanie, 1991. (In Russ.).
- Gloveli G.D. «Strast' k monizmu»: gedonicheskiy podbor Aleksandra Bogdanova. Voprosy filosofii. 2003. № 9. (In Russ.).
- Gloveli G.D. A.A. Bogdanov kak sotsiolog i utopist: problema «klasse dlya sebya». Sotsiologicheskie issledovaniya. 2023. № 11. (In Russ.).
- Gloveli G.D. Leninizm, «terminy tov. A. Bogdanova» i filosof Il'enkov kak apologet stalinskoy ekonomiki «razrusheniya ravnovesiya». Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2020. № 2. (In Russ.).
- Gloveli G.D. Ne-bogostroitel'stvo i ne-vampirizm: demifologizatsiya tvorcheskogo naslediya A.A. Bogdanova. Polilog. 2018. № 4. (In Russ.).
- Gloveli G.D. Politicheskaya ekonomiya v shirokom smysle: elementy institutsionalizma i utopizma. Voprosy ekonomiki. 2010. № 10. (In Russ.).
- Grosse P. Proiskhozhdenie iskusstva. M.: Izd. M. i S. Sabashnikovykh, 1899. (In Russ.).
- Dzhivelegov A.K. Utopii. Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. P/t 69. SPb: Izd. F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1902. (In Russ.).
- Dorofeev V. (1988). Opponent, ili Poyasnitel'naya zapiska k rechi N.I. Bukharina na odnoy iz grazhdanskikh panikhid 1928 goda. Literaturnaya gazeta. 1988. № 49. 7 dek. S. 13. (In Russ.).
- Devlet E.G. Al'tamira: u istokov iskusstva. M.: «Aletya», 2004. (In Russ.).
- Ermolaev I.E. Moi vospominaniya. Sever. Vologda. 1923. № 3–4. (In Russ.).
- Zaytsev B.A. Literaturnye portrety. Znamya. 1989. № 10. (In Russ.).
- Zubchaninov V.V. Uvidennoe i perezhitoe. M.: IMEMO, 1995. (In Russ.).
- Kamenev L. Mezhdvumya revolyutsiyami: Sb. st. 2-e izd. M.: Novaya Moskva, 1923. (In Russ.).
- Kareev N.I. Osnovy russkoy sotsiologii. SPb: Ivan Limbakh, 1996. (In Russ.).

- Kareev N.I. Ekonomicheskii materializm. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. P/t 79. SPb: Izd. F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1904. (In Russ.).
- Lazurskiy A.F. Izbrannye trudy po psikhologii. M.: Nauka, 1997. (In Russ.).
- Legran B. Predislovie. Bogdanov A.A. Krasnaya zvezda. L.: Krasnaya gazeta, 1929. (In Russ.).
- Leyteyzen M.G. Pis'mo otvetstvennogo sekretarya Sektsii mezhduplanetnykh soobshcheniy VNO k K.E. Tsiolkovskomu. Arkhiv RAN. Fond 555 (lichnyy arkhiv Tsiolkovskogo K. E.), op. 4, delo № 356. 1924. (In Russ.).
- Lenin V.I. Zamechaniya na knigu N. Bukharina «Ekonomika perekhodnogo perioda». XI Leninskiy sbornik. M.: Gospolitizdat, 1929. (In Russ.).
- Lenin V.I. Poln. sobr. soch. M.: Politizdat, 1967–1975. (In Russ.).
- Lepeshinskiy P.N. Tragediya krupnogo uma. Ogonek. 1928. № 17. (In Russ.).
- Lunacharskiy A.V. Vospominaniya i vpechatleniya. M.: Sovetskaya Rossiya, 1968. (In Russ.).
- Lunacharskiy A.V. Rets. na: Bogdanov A. Krasnaya Zvezda. Obrazovanie. 1908. № 5. (In Russ.).
- Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. M.: Politizdat, 1955–1981. (In Russ.).
- Mendelev D.I. Veshchestvo. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. P/t 11. SPb: 1992. (In Russ.).
- Menzbir M.A. Istoricheskiy ocherk vozzreniy na prirodu. M.: Izd. kn. magazina «Grossman i Knebel'», 1896. (In Russ.).
- Morozova A.Yu. «Neleninskiy bol'shevizm» A.A. Bogdanova i «vperedovtsev»: idei, al'ternativy, praktika. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. (In Russ.).
- Myuller M. Nauka o mysli. SPb: Izd. A.S.Semenova, 1891. (In Russ.).
- Odoevskiy V.F. Otryvki iz zapisok. Russkiy arkhiv. 1874. № 2. (In Russ.).
- Ol'sevich Yu.Ya. Psikhologicheskie osnovy ekonomicheskogo povedeniya. M.: INFRA-M, 2009. (In Russ.).
- Ostval'd V. Filosofiya prirody. SPb: Brokgauz–Efron, 1903. (In Russ.).
- Plekhanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. T. II. M.: Gospolitizdat, 1956. (In Russ.).
- Pudov S.Ya. A.A. Bogdanov. Moi vospominaniya. Katorga i ssylka. 1930. № 1 (62). (In Russ.).
- Revich V. Ne byl', no i ne vydumka. Fantastika v russkoy dorevolyutsionnoy literature. M.: Znanie, 1979. (In Russ.).
- Rusanov V.A. Stat'i, lektsii, pis'ma. M.: Izd-vo Glavsevmorputi, 1945. (In Russ.).
- Rynin N.A. Mezhduplanetnye soobshcheniya. Vyp. 2. Kosmicheskie korabli v fantaziya kh romanistov. L.: Izd. Avtora, 1928. (In Russ.).
- Smidovich P.G. Avtobiografiya. Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. (In Russ.).
- Struve P.B. Patriotica (Stat'i 1905–1910). CPb: Izd. D.E. Zhukovskogo, 1911. (In Russ.).
- Tugan-Baranovskiy M.I. Periodicheskie promyshlennyye krizisy. M.: Nauka: ROSSPEN, 1997. (In Russ.).
- Tugan-Baranovskiy M.I. Ekonomicheskaya nauka. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. P/t 55. SPb: Izd. F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1899. (In Russ.).

Tyukin V.P., Fionik O.V., Churilov L.P. Universant Serebryanogo veka: A.A. Bogdanov vrach, estestvoispytatel' i filosof. Soobshchenie II. Bogdanov praktik: sud'ba ego idey. Vestnik SPbGU. Ser. 11. Meditsina. 2010. № 2. (In Russ.).

Faddeev T. D. Zhizn' na krovi. Vospominaniya o voyne. 1914–1915 gody. M.: Radunitsa, 2014. (In Russ.).

Frenkel' Z.G. Zapiski o zhiznennom puti. Voprosy istorii. 2006. № 2. (In Russ.).

Yudin S.S. Perelivanie trupnoy krovi. Pravda. 1935. 10 marta. (In Russ.).

Graham L. Bogdanov's Inner Message. Bogdanov A. Red Star. The first Bolshevik Utopia. Bloomington. Indiana University Press, 1984.

Keynes G. Blood transfusion. Oxford Medical Publications. London: H. Frowde and Hodder & Stoughton, 1922.

Noire L. Der Ursprung der Sprache. Mainz, 1877.

White J. Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov. Brille, 2019.